

Поминки в Свистовке

Эпос и элегия

Автор: Камилло Брайлинг
Художник: Роберт Печинка

© 2016 Камилло Брайлинг
Все права защищены.
Контакты: samillo@breiling.net
Публикуется автором

Перевод на русский Ф. М. Микишатъева

Верстка: playa media

ВВЕДЕНИЕ

Августовским днем, сидя за чашкой кофе на палубе теплохода из Тульчи в Сулину¹, я размышлял над тем, как же мне предстоит провести грядущее время, намереваясь взять тридцать интервью у жителей Свистовки, маленькой липованской деревеньки в двадцати пяти километрах к северу от Сулины. Эти материалы я хотел обработать и использовать в своей дипломной работе — «Описание языка и культуры старообрядцев в Свистовке (Румыния)».

Липованами себя называет та небольшая часть русских старообрядцев, которая живет в дельте Дуная и других землях на юге Восточной Европы, — в Румынии, Болгарии, Молдавии и Украине. Липоване, как и все старообрядцы, не захотели принять церковную Реформу, проведенную патриархом Никоном в 1653 году, и из-за этого подвергались преследованиям в царской России. Многие староверы бежали от репрессий в удаленные области Русского царства (например, в Сибирь и Черноземье) или расселялись в приграничных землях соседних стран. В начале XVIII века первые липоване перебрались с севера в дельту Дуная. В последующие десятилетия они распространились по ней, при том, что эта земля в ту пору полностью входила в Османскую Империю. Султан заверил липован в неограниченной свободе их вероисповедания, и действительно, в дельте Дуная и в окрестных областях смогли появиться большие старообрядческие общины, как, скажем, Сарикёй или Журиловка. До сего дня липоване являются центральной этнической группой в дельте Дуная. Вплоть до Второй мировой войны они вступали в брак исключительно внутри общины и мало контактировали с прочими народами. После того, как Добруджа — область, в которой находится дельта Дуная, — в 1878 году была включена в состав новой, только образовавшейся тогда страны — Румынии, — все больше липован стало испытывать давление румынского государства. С конца Второй мировой войны, когда в Румынии был введен социализм, местные старообрядцы постепенно утрачивали свой традиционный образ жизни рыбаков, ремесленников и крестьян.

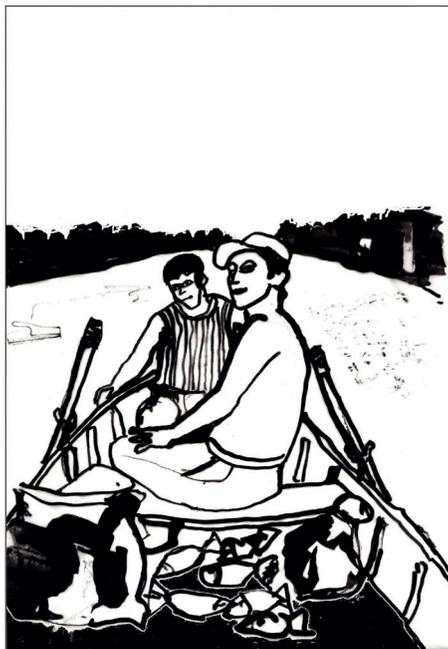
1 Тульча и Сулина — города на юго-востоке Румынии. — Прим. перев.

Как следствие, многие из них в поисках работы переселились в города, так что деревенские липованские общины и связанная с ними традиционная культура и язык все больше приходят в упадок. После окончания Второй мировой войны в Свистовке жило около тысячи человек, а сегодня в деревне насчитывается менее сотни жителей. Большинство домов — глинобитные, другие в отдельных случаях построены из бетона. Все дома — одноэтажные, а заметная издали колокольня — самое высокое здание в окрестности. В Свистовке нет проточной воды, поэтому все пользуются колодезной. Из-за того, что в последние десятилетия произошел резкий отток жителей, многие дома пустуют и мало-помалу разрушаются. Остатки наполовину развалившихся жилищ служат прибежищем диким лошадям, которых часто можно встретить в Свистовке и ее окрестностях. В деревне всего пара старых автомобилей, а наиболее распространенным средством передвижения по-прежнему служит телега с упряжью.

Так деревенские жители ездят и за колодезной водой, и за продуктами в общинный центр К. А. Розетти², который находится почти в трех километрах. Большая часть жителей — это просто пожилые или уже совсем старые люди. Детей и молодежи почти не видно, так как большинство молодых людей в поисках работы отправляются в близлежащие города — Сулину, Тульчу и Констанцу. Летом Свистовку то и дело посещают туристы, оставаясь там, как правило, всего на одну ночь. Многие из них приезжают из Западной Европы, поскольку для обычных румынских туристов Свистовка не интересна из-за ее простой житейской обстановки и отсутствия комфорта.

Я размышлял о Свистовке, об истории и судьбе липован, терзаясь вопросом, получится ли найти этим летом тридцать человек, которые смогли бы дать мне интересные и содержательные интервью. Я решил каждый день проводить по три беседы. Тогда бы получалось обрабатывать их вечером каждого дня, а затем готовиться к завтрашним трем.

Пока я предавался размышлениям, позволяя августовскому солнцу согреть меня своими лучами, наш теплоход прибыл в порт Сулины, длинной полосой растянувшийся по берегу Дуная. Судовые позывные заставили меня очнуться от раздумий. Мигом допив остатки кофе, я схватил свои дорожные сумки и побежал к трапу. Покинув корабль последним из пассажиров, я решил прогуляться по порту вдоль реки, в итоге добравшись до маленького лодочного причала, где меня ждал знакомый из Сулины.

2 Населенный пункт в дельте Дуная, названный именем Константина Александру Розетти (1816—1885) румынского литератора, поэта, демократа, политического и общественного деятеля. — Прим. перев.

На его лодке мы отправились в Свистовку, петляя по многочисленным рукавам и протокам дельты. Во время этого рейса я задремал, и примерно через час меня разбудил легкий толчок. Оказалось, что мы ударились о причал в Свистовке. Мой знакомый ловко зачалил свою лодку какой-то веревкой, а на берегу протока меня уже поджидал мой друг, Василий Сергеевич Сербов, у которого мне предстояло остановиться на жительство. Попрощавшись с перевозчиком из Сулины, я радостно поприветствовал Василия, знакомого мне еще с первого визита в Свистовку.

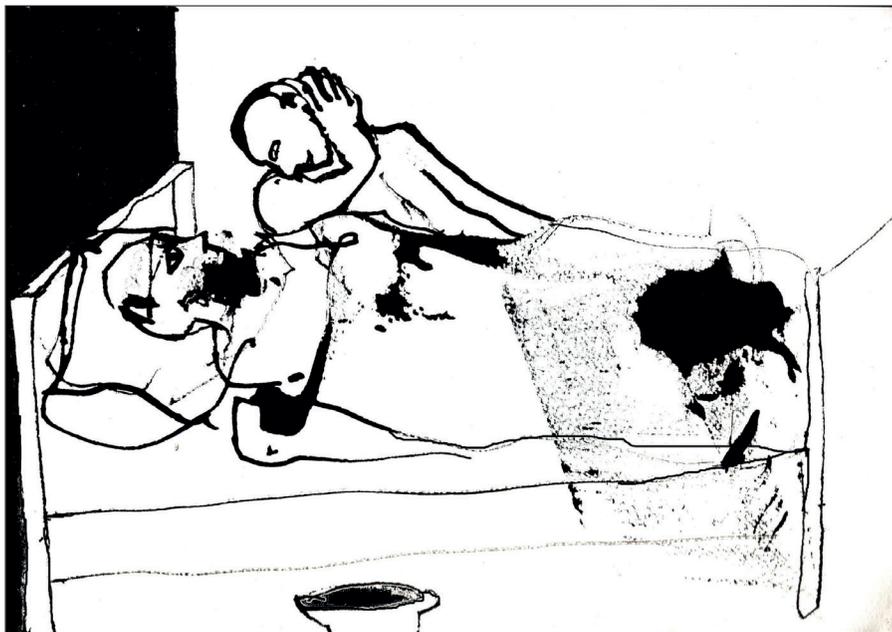
В тот раз, когда я впервые сюда приехал, одна деревенская жительница посоветовала мне обосноваться у Василия Сергеевича. Тот очень радушно меня принял, и как-то сразу мы нашли с ним общий язык. Тогда я прожил в Свистовке две с половиной недели. Меня поселили в самой большой комнате дома Сербовых, и хозяин каждый день готовил мне обед и ужин. Ужинали мы всегда вместе, и во время вечерних посиделок, часто длившихся многие часы, рассказывали друг другу истории из нашей жизни, так что за прошедшее время успели очень хорошо познакомиться, и между нами завязалась дружба. В день отъезда я уже чувствовал, что в следующий раз снова остановлюсь в этом доме.

Василий Сербов жил со своим отцом в доме недалеко от церкви³. Сам Василий Сергеевич по многу раз в неделю занимается рыбной ловлей в соседнем с деревней озере и помогает в строительстве родственникам, друзьям и знакомым из Свистовки или одной из окрестных деревень.

В молодости Василий женился на румынке, от которой у него есть сын Михай. После пары лет совместной жизни они развелись, и с тех пор Василий мало видится со своей семьей. После рождения Михая Василий несколько лет работал строителем в Сербии. Ему там очень нравилось, поскольку он мог многому научиться, строя частные дома: работодатели были обходительны, удалось обзавестись новыми знакомствами, да еще и платят в Сербии ощутимо больше, чем в Румынии.

3 К сожалению, старик умер как раз во время моего второго пребывания там, в их доме.

Тем не менее, после многих лет работы за рубежом Василий вернулся в Свистовку, и с тех пор живет в своей родной деревне. Как-то я спросил его, не думал ли он еще поработать какое-то время за границей, а Василий ответил, что он бы с радостью, но в Свистовке чувствует себя столь «укорененным», что ему уже трудно будет надолго покинуть сказочный и неповторимый ландшафт дельты Дуная. Вдобавок нужно заботиться о своем старом, больном отце, который теперь не может обойтись без опеки старшего сына.

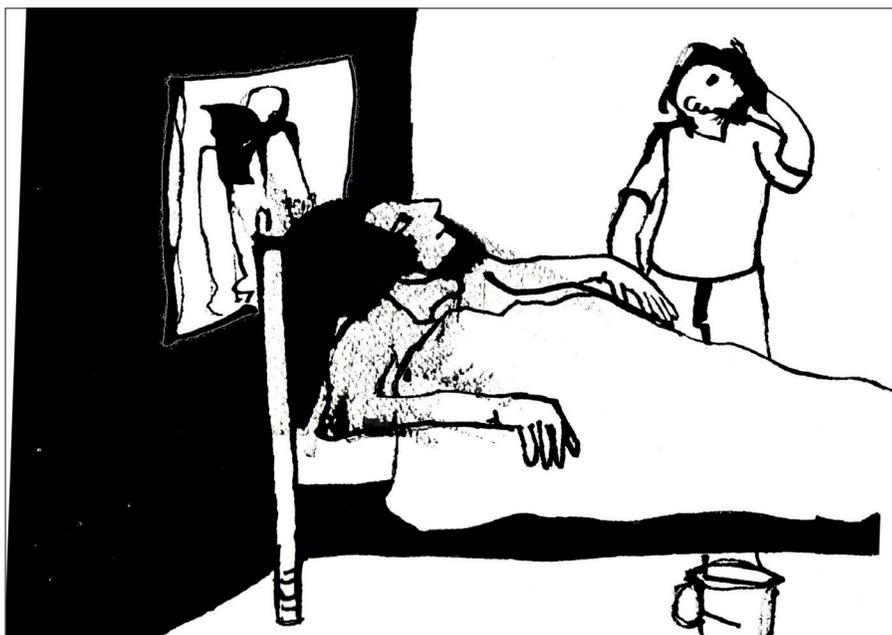
Сергея Сербова я знал не очень хорошо, поскольку он уже был серьезно болен и большую часть дня проводил в своей комнате. Только один раз мне посчастливилось с ним пообщаться с глазу на глаз. Однажды летним утром старик вышел во двор дома, опираясь на палку, и стал звать сына. Я подошел к нему и объяснил, что Василий отправился к своему знакомому. Тогда Сергей по-отечески спросил, нравится ли мне здесь, и мы заговорили. Отец Василия произвел на меня впечатление дружелюбного человека, которому было безразлично благополучие его ближних, вдобавок преисполненного чувства юмора.

Однако позже оказалось, что старик мог очень разозлиться, если что-то шло против его воли. К примеру, однажды к Василию в гости пришел какой-то родственник. Вскоре после начала разговора они стали ругаться, и Василий попытался прогнать его со двора. Отец, услышав перепалку, подошел поддержать сына: громко отругав родственника, он велел ему поскорее убираться с глаз долой.

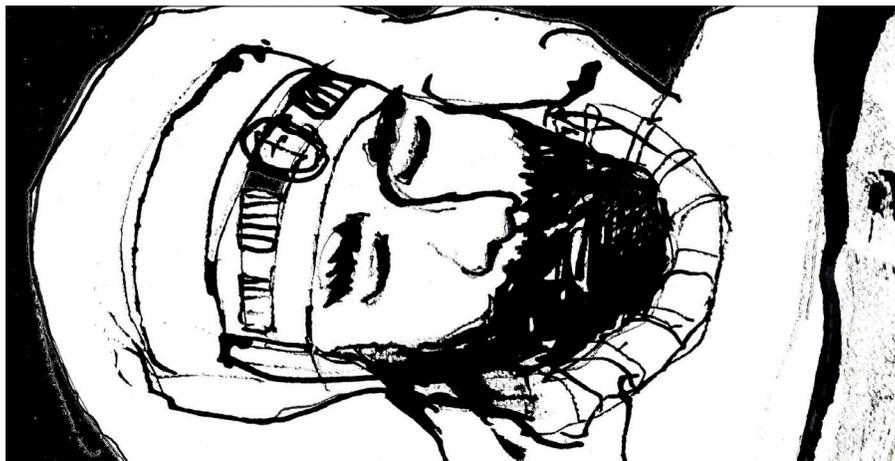
Кроме Василия, у Сергея был еще младший сын и три младших дочери; все они уехали из Свистовки, так что отец встречал других своих детей только по праздникам и на каникулах.

Несколько лет назад произошел несчастный случай: Сергей повредил себе глаз сучком, и зрение на нем полностью пропало. Другой глаз в последние годы жизни тоже видел все хуже, так что к моменту смерти Сергей практически ослеп, поэтому Василий Сергеевич готовил своему отцу по нескольку раз за день и регулярно убирал его комнату.

Для старого, больного человека у Сергея был крепкий, уверенный и даже немного строгий голос, которым тот часто о чем-нибудь просил сына. При звуке его громкого голоса я легко мог себе представить, как он в прежние годы приучал своих пятерых детей соблюдать правила отчего дома. Однако голос у Василия тоже был уверенный и громкий, особенно когда сын спрашивал отца о его пожеланиях. Правда, иногда я мог слышать, как Василий тихо общается со своим отцом у того в комнате, и думал, не рассказывает ли Сергей сейчас о своем детстве в Свистовке во время Второй мировой войны. А может быть, Василий часто говорит с отцом и о том, как идут дела у младшего брата и трех сестер. (Брат Василия к настоящему времени уже умер, а до того он жил в Испании; сестры же проживают в Тульче и Сулине, но регулярно выезжают на заработки в западноевропейские страны, — Италию, Германию и Англию).

Разговоры между Василием и его отцом я слышал большей частью по утрам или вечерам, поскольку днем мне приходилось проводить интервью по домам других деревенских жителей, либо я развлекался далекими пешими вылазками в окрестности Свистовки. Я как раз вернулся из одной такой «кругосветки», когда Василий сообщил мне, что его отец только что умер. Он очень скорбел, но выглядел при этом так, как будто разрешился от тяжелого бремени, поскольку смерть отца означала конец тягостного ухода за ним. Вечером Василий присел на скамейку перед домом и откупорил бутылочку пива. Когда я сел рядом с ним и спросил, как он себя чувствует, хозяин дома честно ответил, что теперь большой груз снят с его плеч. После этого он беззаботно добавил, что после смерти отца во дворе перед домом стало меньше комаров.

Вскоре Василий позвал знакомых, которые обмыли тело, положили его в гроб и выставили в доме на три дня. Когда я вошел в комнату, где находился покойный, один из друзей Василия потребовал, чтобы я перекрестился перед иконой на стене, помолившись при этом Богу о даровании Сергею благодатной жизни в Царствии Небесном. После сего короткого ритуала мне удалось посмотреть, как несколько мужчин мыли тело и одевали его в белый саван.

В самой большой комнате дома, из которой я временно переселился в более маленькую, стоял гроб, куда положили покойного. Над гробом находился красный угол: там располагались многочисленные иконы с лампадами перед ними. Все время до погребения Василий спал у гроба, чтобы папа мог прийти к нему во сне и передать ему последнюю волю.

Вскоре после смерти Сергея в Свистовку приехала многочисленная родня Василия, чтобы проститься с умершим родственником. Во дворе царил беззаботное настроение, поскольку родные хозяина рассказывали друг другу о новых событиях в их жизни и вместе вспоминали об ушедшем Сергее. Больше всех пребыванию в Свистовке радовались дети, поскольку они получили возможность резвиться во дворе и играть с собаками, кошками и курами. В день похорон в дом вошел батюшка из Сулины и благословил тело покойного. После благословения святого отца Василий Сергеевич снял самую большую икону с красного угла и выбрал четырех человек, которые должны были нести гроб в церковь. На этом пути сын шел перед несущими тело его отца и держал в руках икону.

В церкви гроб с телом был установлен перед алтарем — там, где во время литургии обычно стоят мужчины⁴. К каждой стороне гроба прикрепили свечи, которые горели до конца панихиды. Во время отпевания каждый из присутствующих по очереди падал на колени перед усопшим, желая ему при этом блаженства на небесах.

Пока гроб после панихиды несли на кладбище, в Свистовке звонили церковные колокола. В песке уже была вырыта яма. Рядом с ней на землю поставили гроб, и возглавляющий похороны священник продолжил возносить молитвы, которые должны были сопровождать умершего на его пути в Небесное Царство.

4

У старообрядцев во время службы женщины стоят у входа. — Прим. перев.

После того, как батюшка перестал молиться, а родственники, рыдая и всхлипывая, в последний раз простились с мертвым Сергеем, гроб заколотили и спустили вниз. Продолжив читать молитвы, священник начал лопатой бросать песок на крышку гроба. После нескольких ковшей он передал лопату могильщику, который полностью засыпал яму.

Меж тем, как остальные участники траурного мероприятия отправлялись в причтовый дом на поминки, я все рассматривал свежую могилу Сергея, на которой был установлен восьмиконечный крест русских старообрядцев⁵. Верхняя перекладина такого креста символизирует надпись «I.N.R.I.», которая переводится как «Иисус Назарянин, Царь Иудейский», указывая на распятого Христа. Нижняя перекладина перекошена, так что один конец указывает на Небеса, а другой — на Преисподнюю. С точки зрения жителей Свистовки это обозначает участь двух преступников, между которыми был распят Иисус.

5 На самом деле таков же крест и других русских православных конфессий. — Прим. перев.

Согласно Евангелию от Луки, один из разбойников насмеялся над Иисусом на кресте. Конец перекладины, указывающий вниз, символизирует, что грешник попал в ад. Другой преступник раскаялся в своих грехах на кресте и просил Христа вспоминать его в Царствии Небесном. По Луке, раскаявшийся разбойник вознесся вместе с Иисусом на небеса, на что указывает повернутая вверх перекладина. Разглядывая восьмиконечный крест, я заметил к тому же, что он был установлен со стороны ног погребенного. Жители Свистовки объяснили мне, что покойник в день своего воскресения, то есть когда его душа покинет могилу и вознесется на небо⁶, сперва должен увидеть крест, что возможно только в том случае, если тот установлен у него в ногах.

На кладбище в Свистовке мне бросилось в глаза, что отдельные могилы с любовью украшены и очень ухожены, однако большая их часть запущена и заросла высокой травой. На мой вопрос, отчего же многие деревенские жители не ухаживают за могилами их ушедших, Василий отвечал, что память об умерших продолжает жить в сердцах их родственников и знакомых, поэтому вовсе не обязательно нужно часто посещать усопших на кладбище, равно как и ухаживать за ними. Поскольку местные жители на этом погосте бывают все реже, он производит впечатление заброшенного, но вместе с тем (и из-за этого) очень умиротворяющего места. Там, на кладбище, где между липованскими восьмиконечными крестами слышен только шум ветра да шорох листвы, мертвые действительно покоятся с миром.

6 Скорее всего, имеется в виду «воскресение из мертвых» в день Страшного суда, о котором говорится в православном Символе веры. — Прим. перев.

ПОМИНКИ

Эпос

Я еще некоторое время смотрел на тихое кладбище, а затем отправился на приходской двор, где уже собралось много народу. В доме причта был установлен длинный стол, и от открытого очага во дворе навстречу мне повеяло ароматом свежего рыбного гуляша. Пока я смотрел, как люди все садились и садились за стол, обильно уставленный вином, фруктами, сладостями и различными закусками к рыбному жаркому, ко мне подошел Алексей, хороший знакомый из Свистовки, и пригласил меня присоединиться ко всем остальным. Так как мой желудок после долгой церемонии похорон уже начал ворчать, я с радостью внял призыву и сел за стол. Когда начались поминки, Владимир, родственник Василия, поднял бокал и провозгласил, что каждый присутствующий может рассказать о жизни любого своего умершего друга, которого он очень хорошо знал и любил. После этой речи он бросил на стол черный платок и объяснил, что каждый, кто собирается говорить, должен положить платок рядом со своей тарелкой.

ФЕДОР ЖУКОВ

Знакомый Василия по имени Артем первым взял черный платок и объявил, что он хочет рассказать о своем друге Федоре Жукове. Федор умер в шестьдесят четыре года и до своей смерти одиноко жил в Свистовке. Много лет назад он расстался с женой, от которой у них была одна дочь, — те эмигрировали в Америку.

После этого короткого вступления Артем продолжил свою речь.

Федор ушел из школы после шестого класса, чтобы помогать родителям по хозяйству, а в семнадцать лет нашел работу на цементной фабрике в небольшом румынском городке Сомове, где в скором времени получил премию как лучший работник. Потом он переехал в область Телеорман, где окончил автошколу, получив профессиональные водительские права. После службы в армии Федор работал шофером в больнице, а до рубежного 1989-го года служил матросом и ходил на различных судах до Западной Африки. Позднее он вернулся в Свистовку, где до самой смерти занимался сельским

хозяйством, хотя у него были проблемы с сердцем и астма. В свободное от работы время он любил смотреть детективы и военное кино.

Федор, как и его родители, родился в Свистовке. Уже работая шофером, он развелся со своей женой, с которой растил дочь. Когда те уехали в Америку, он долгое время не виделся с дочкой. Контакты с ней восстановились только через семнадцать лет, когда она уже взрослой женщиной приехала в Румынию и побывала в родном селе.

Откуда происходили его предки, Федор точно не знал. В разговоре с Артемом он часто упоминал, что их выгнали из России при Петре I, и им удалось найти новые места для жизни по ту сторону Дуная. По его словам, в Свистовке когда-то жила тысяча с гаком человек, но сейчас здесь едва найдешь работу, и поэтому люди, прежде всего молодежь, уезжают в города в поисках рабочих мест.

Когда речь шла о коммунизме, Федор говорил, что при Чаушеску ему жилось очень хорошо, поскольку у него тогда была интересная морская служба. Благодаря этому он мог путешествовать и, между прочим, побывал и в Восточном Берлине. После переворота, по словам Федора, дела у него пошли очень плохо, — он нигде не находил работы. Вступление Румынии в Европейский Союз он совсем не приветствовал, скорее наоборот, — поскольку богатые парламентарии, как он считал, загребли кучу денег от вступления в ЕС, а бедные слои населения от этого, напротив, стали еще беднее.

На вопрос, ходит ли он в церковь, Федор отвечал, что если он хочет и может, то идет. На Рождество и Пасху он всегда был на службе, а раньше даже часто что-то чинил или реставрировал в храме.

Артем закончил свой рассказ словами, что Федор в молодости вел очень интересную жизнь, поскольку он испробовал много всего и, будучи матросом, повидал свет. Артем заметил, что он очень сожалеет о расставании Федора со своей женой и о том, что с дочерью они виделись очень редко. Куда лучше бы было, если б Федор состарился в кругу семьи и провел последние дни своей жизни вместе с женой и дочерью. Кроме того, оказалось, что Федор до самой смерти жил у Василия, поскольку у него не было денег, чтобы купить себе дом.

Так бывший путешественник Федор в старости вернулся в Свистовку и там снова встретился с теми людьми, с которыми он провел свои детство и юность.

После двухминутной паузы, пока гости вспоминали усопшего и тихо молились за упокоение его души на том свете, платок отправился дальше.

НИКИФОР СУВОРОВ

После Артема вызвался говорить Павел. Он рассказал о своем друге Никифоре Суворове, который умер в семьдесят четыре года, а до самой смерти жил в Свистовке со своей женой Ириной. У него осталось двое сыновей и одна дочь. Большую часть своей жизни Никифор занимался торговлей, но после выхода на пенсию в 1997 году он решил заняться земледелием и рыбной ловлей.

После этого короткого вступления Павел продолжил свою речь.

Когда Никифор окончил четырехлетнюю начальную школу, он сразу же нашел себе работу торговца. В 1960 году он отправился в армию в Бухарест, а затем вернулся к своему делу. С 1988 года и до пенсии Никифор торговал зерном и работал заведующим на пашнях.

Родителей Никифора звали Игорь и Екатерина Суворовы. У них было три сына и три дочери. У самого Никифора дочь и один из сыновей живут в Сулине, а другой сын — в Бухаресте.

Об истории старообрядчества Никифор рассказывал Павлу, что приверженцев «старой веры» прогнали из России при Петре, и сегодня они, наверное, встречаются по всему миру. После бегства из России старообрядцы часто прятались в лесах, в которых росло много лип. От слова «липа», по мнению покойного друга Павла, и происходит название «липоване», обозначающее старообрядцев во многих местах южной части Восточной Европы.

У Никифора были родственные связи и с липованами из украинской дельты Дуная. Его тетя жила в украинском Белгороде и была замужем за человеком по фамилии Романов, который был священником в Приморском⁷. У них было несколько детей, один из которых стал известным офицером. Никифор как-то был в Приморском и хотел повидаться со своим двоюродным братом, но к тому его не пустили.

Вспоминая коммунистические времена, Никифор вздыхал, что хоть у людей и были тогда деньги, в магазинах можно было купить лишь немного. После коммунизма же, возмущался он, хоть и было достаточно всего на прилавках, но у людей стало мало денег. Тяжелее ситуация была прежде всего у пожилых людей из-за их маленьких пенсий.

Никифор рассказывал, вспоминая о своих путешествиях в коммунистические времена, что в декабре 1989 ему с женой довелось побывать в советских городах Донецке и Одессе.

7 Приморское — село в Килийском районе Одесской области. — Прим. перев.

У супругов была советская виза на полтора месяца. Никифор с женой еще были в СССР, когда в конце декабря 1989 года режим Чаушеску был свергнут.

После переворота, как считал Никифор, многие люди обогатились за счет бывшей общественной собственности, между тем как бо льшая часть населения осталась бедной. Но у него, несмотря на экономический кризис после переворота, была работа. Членство Румынии в Евросоюзе Никифор считал позитивным, поскольку он придерживался мнения, будто другие страны-члены ЕС экономически поддерживают его страну.

Говоря о своем отношении к церкви, Никифор утверждал, что он почти каждое воскресенье и на главные праздники посещает службы.

Осмотрев слушавших его гостей, Павел заключил, что Никифор был очень прилежным человеком, которому даже в сложных ситуациях удавалось или сохранить свою работу, или найти новую. До самой смерти он жил со своей женой Ириной, которая поддерживала мужа во всех его начинаниях и во всем ему уступала.

После двухминутной паузы, пока гости вспоминали усопшего и тихо молились за упокоение его души на том свете, платок отправился дальше.

КУЛИНА ВУТИЛКИНА

После Павла попросила слова Марина, чтобы рассказать о своей подруге Кулине Вутилкиной. Кулина умерла девяносто пяти лет от роду. У нее было четыре дочери, из которых три живут в Сулине, а одна — в Свистовке.

Раньше Кулина работала вместе со своим мужем на маленьком семейном участке в Свистовке, где они выращивали картошку и овощи. Супруги продавали продукты с участка и на вырученные деньги даже могли позволить себе приобретение одежды. Муж Кулины вернулся с войны инвалидом, но, тем не менее, был отличным работником и мало пил.

После этого короткого вступления Марина продолжила свою речь.

Муж Кулины умер, прожив более восьмидесяти лет, и с тех пор она одна жила в Свистовке. В те времена, когда она вышла замуж — а это было в конце зимы, — уже вскоре после свадьбы молодожены были вынуждены заниматься сбором камыша. Однако Кулина и ее муж были трудолюбивы и поэтому жили довольно неплохо и ни у кого не просили помощи. Еще у Кулины был брат, который проживал в украинском городе Вилкове, и поэтому там у нее остался племянник.

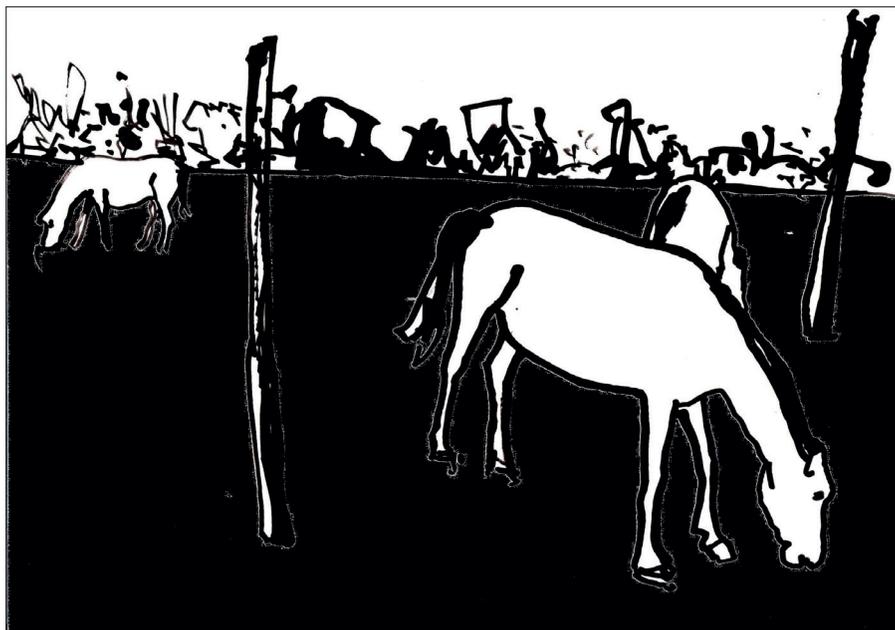
Пока Румыния была социалистической, Кулина занималась лошадьми. Однажды лошадь так сильно ее лягнула, что она упала на землю без сознания, и с тех пор ослепла на один глаз и оглохла на одно ухо. (При этих словах по рядам слушателей пробежал шепот удивления и сочувствия Кулине из-за того, что ей пришлось пережить на ее тяжелой работе.)

Кулина рассказывала, что она сидела дома и ждала, что кто-нибудь к ней придет. Ее дочь из Свистовки ходила к ней каждый день. Даже в своем преклонном (за девяносто!) возрасте Кулина сама себе готовила, да и свой маленький дом в порядок она приводила самостоятельно. Когда она ходила по комнатам, ей приходилось держаться за мебель, поскольку ее ноги были слишком слабы. Она часто говорила, что ждет момента, когда Господь позовет ее к себе.

Когда Кулина была моложе, она регулярно ходила в церковь, но после девяноста она уже была не в состоянии преодолеть этот путь.

Марина считает, что, зная жизненный путь Кулины, можно явно ощутить трудности повседневной жизни в Румынии послевоенного времени. То, что людям спустя несколько дней после свадьбы уже приходилось снова идти на работу, показывает, что праздники в послевоенные годы отошли на второй план. Люди стремились к тому, чтобы в отношении материального и денежного благополучия хотя бы отчасти быть уверенными в завтрашнем дне, и для этого приходилось тяжело работать.

После двухминутной паузы, пока гости вспоминали усопшую и тихо молились за упокоение ее души на том свете, платок отправился дальше.

КАРП САРАЕВ

После Марины взял слово Антон. Он решил поведать о своем друге Карпе Сараеве. Карп умер всего в пятьдесят четыре года. Он был женат, и у него была дочь и двое детей. (Пока Антон говорил это, у многих слушателей на глаза навернулись слезы, поскольку большинство присутствующих хорошо знали Карпа и горевали, что из-за его ранней смерти жена и трое детей остались одни).

Антон тем временем продолжал свой рассказ.

До своей смерти Карп был безработным и жил на финансовую помощь от государства. Иногда он рыбачил и возил туристов на лодке по рукавам дельты рядом со Свистовкой. Этим удавалось заработать несколько румынских леев, но их было недостаточно для жизни, поэтому Карпу всегда приходилось рано вставать, чтобы работать в своем курятнике.

Школу Карп бросил после шестого класса и пошел работать трактористом и рыбаком. Вместе с этим он промышлял сбором камыша, которым в Свистовке кроют крыши. Карп был человеком ловким, и его работа доставляла ему удовольствие.

Дочь Карпа со своим мужем уже некоторое время живут в Лете⁸, старший сын работает на небольшом рыбо-промысловом предприятии в Сулине, а младший уехал в поисках работы в Чехию. У Карпа есть родственники и в Вилкове, в том числе и крестный его отца.

Карп очень хорошо относился к социализму — тогда у него была работа. По сравнению с этим более поздние времена казались ему хуже. Однако он отмечал, что и после переворота все было не так плохо. Часто он рассказывал, к примеру, что во время социализма было очень сложно куда-то поехать. Скажем, он сам никогда не был в соседней Украине.

8 Лета — небольшое село в окрестностях Тульчи, не очень далеко от Свистовки.
— Прим. перев.

Согласно его рассказам, в те времена в Украину можно было попасть только через Галац⁹, а после переворота было достаточно сесть на лодку в Периправе¹⁰ и сразу попасть в Вилково, переехав через Дунай.

Как говорил Антон, Карп был очень дружелюбным и жизнерадостным человеком, и в первую очередь для жены и для детей его ранняя смерть была большой трагедией.

К Евросоюзу Карп относился очень хорошо, поскольку он считал, что государства, входящие в его состав, друг другу помогают. Его взгляды были очень интересны, потому что он видел в ЕС шансы для Румынии, в то время как большинство других жителей Свистовки, напротив, отзывались не лучшим образом о румынских политиках, которых считали коррупционерами и думали, что те кладут денежки, полученные от Евросоюза, себе в карман. (При этих словах слушатели начали шептаться, а некоторые присутствующие стали ругаться на Евросоюз и на плохие условия жизни в Румынии).

О церкви и церковных службах Карп отзывался хорошо и говорил, что молится с усердием. Он многократно упоминал, что всегда идет в церковь, если время позволяет.

После двухминутной паузы, пока гости вспоминали умершего Карпа и тихо молились за упокоение его души на том свете, платок отправился дальше.

9 Галац — крупный портовый город в Румынии. — Прим. перев.

10 Периправа — село в окрестностях Тульчи, расположенное на берегу Дуная. — Прим. перев.

МАУРА ВАРНАВИЧА

После Антона стала говорить Ольга, рассказав о своей подруге Мауре Варнавиче. Маура умерла всего сорока семи лет от роду. Она была замужем, и у нее был сын. До своей смерти она была безработной и надеялась получить социальную помощь. Однако государство не обеспечило ее финансовой поддержкой, поэтому она часто жаловалась, что дела у ее семьи идут плохо.

После этого короткого вступления Ольга продолжила свою речь.

Маура родилась в Периправе, а потом вышла замуж в Свистовке. Школу она не окончила, потому что учеба давалась ей с трудом. У нее было двое братьев, один в Сулине и один в Плоешти¹¹. Живший в Сулине был пилотом. Еще была сестра, которая утонула.

11 Плоешти — город в Валахии. — Прим. перев.

С украинской частью дельты Мауру ничто не связывало. Ее отец был украинцем, но он уже давно умер. Были, правда, и еще родственники в Украине, но о них она не знала даже, живы ли они.

Коммунистические времена Маура считала трудными. Однако, по ее мнению, после вступления в ЕС стало еще тяжелее.

В церковь Маура ходила только тогда, когда у нее были деньги. Она считала, что если она идет в церковь, она обязательно должна купить и поставить свечку.

Ольга призналась, что Маура всегда производила на нее удручающее впечатление. Она часто плакала и испытывала чувство, что все вокруг нее становится все хуже. Свои заботы она пыталась преодолеть дружеским общением и сотрудничеством с другими деревенскими жителями. Скорее всего, причиной горестей была нищая обстановка, в которой Маура жила со своим безработным мужем и их безработным сыном. Ольга с печальным взглядом говорила, что в последние годы жизни Маура уже больше не видела перспектив улучшения своей жизни и жизни своей семьи. Оказывается, она страдала мышечной дистрофией и в конце концов умерла от этой болезни. Возможно, что для нее лишь смерть была избавлением от всех ее горестей. Но, несмотря на все превратности жизни, она, по словам Ольги, всегда оставалась очень участливым человеком,веряя Ольге свои самые интимные переживания, и та в равной степени нашла в Мауре человека, которому она могла довериться целиком и полностью.

В конце Ольгиного рассказа некоторые гости прослезились и сочувствовали Мауре, чья жизнь была преисполнена столь многими заботами и горестями.

После двухминутной паузы, пока гости вспоминали усопшую и тихо молились за упокоение ее души на том свете, платок отправился дальше.

ТОМА АТАНАЗИ

После Ольги слово взял Иван. Он рассказал о своем друге Томе Атаназии. Тома умер в шестьдесят лет, а до своей смерти жил со своей второй женой в Свистовке. От первой жены у него было трое детей, которые сейчас уже выросли и завели собственные семьи, и у второй жены от ее первого супруга тоже было трое детей.

Тома жил в Свистовке, чинил рыболовные сети, занимался ремонтом дома и часто ловил рыбу на пропитание. Он был слеп на один глаз, и оттого получал от государства небольшое пособие по инвалидности. До переворота он работал на рыбной фабрике в Сулине, где у него был дом, и там Тома прожил двадцать пять лет. Однако потом, лишившись своей работы в Сулине, он вернулся в Свистовку, чтобы обрабатывать здесь свой кусок земли. Так он мог относительно неплохо существовать и в качестве безработного.

После этого короткого вступления Иван продолжил свою речь.

Тома семь лет ходил в школу в Лете, после чего переехал в Свистовку. Его первая жена тоже была отсюда, и вместе они отправились в Сулину, где построили себе дом. После переворота и смерти своей первой жены Тома сперва вернулся в Лету, а оттуда снова переехал в Свистовку. Он рассказывал, что дети его расселились по разным частям Румынии, и что они поддерживают его, а он — их. Когда они приезжают к нему в гости, папа дарит им, например, мешок картошки. Тома с гордостью упоминал о том, что все его потомство осталось в Румынии после краха коммунизма, в отличие от многих других, уехавших в Америку, Италию и Испанию.

В Украине у Тома были многочисленные родственники, которых он смог навестить в 1980 году. Тогда он ездил через Измаил в Татарбунары¹², где эти родственники проживали, а вдобавок еще успел побывать в Одессе и Севастополе. У него была виза на сорок пять дней, но к родственникам он ездил на восемнадцать, чтобы не злоупотреблять их гостеприимством. После 1980 года контакты Тома с родными из Украины постепенно оборвались.

Тома вспоминал, что при социализме у людей были деньги, зато снабжение населения продовольствием работало плохо. После переворота появилось достаточно всего, что можно было купить, зато у людей не было денег. По его словам, тогда люди регулярно и точно ходили на работу, так что к концу месяца имели свою стабильную зарплату. При Чаушеску строились фабрики и жилые кварталы, и поэтому у людей были надежные места для работы и проживания.

Конечно, Тома ругался, что при так называемой демократии некоторые политики в Бухаресте присваивают себе много денег, а бедными людьми больше никто не интересуется. Старые кварталы никто не реставрирует, и он боится, что Румыния вскоре вообще погибнет, потому что многочисленные фабрики пришли в упадок, а государство стало продавать другим странам даже румынские корабли. Тома признавал, что Евросоюз помогает Румынии, однако в будущем было бы лучше создавать рабочие места, а не надеяться на помощь от ЕС.

12 Измаил и Татарбунары — города в Украине (в настоящее время они находятся в Одесской области). — Прим. перев.

Тома ходил в церковь только один раз в году. Его раздражало, что люди во время службы так громко разговаривают, что он не может разобрать проповедь батюшки. Прежде к литургии относились с бóльшим почтением.

Иван закончил свой рассказ утверждением, что Тома вел тихую и скромную жизнь. На праздниках его и его жену видели лишь изредка. Но если кто-то иногда у него и бывал, то каждого принимали очень тепло: хозяин предлагал гостям попробовать самогон собственного изготовления, и гости порой даже приносили с собой бутылочки.

В конце Иванова рассказа некоторые присутствующие вспоминали Тому с его приятным характером и чудесным самогоном. Внезапно один из гостей вскочил и поднял свой полный водки стакан за покойного. В ответ на это многие тоже подняли свои чарки и залпом выпили их в честь умершего.

После двухминутной паузы, пока гости вспоминали усопшего и тихо молились за упокоение его души на том свете, платок отправился дальше.

ЗЕНА СЕПАТКИНА

После Ивана слово взяла Александра, чтобы рассказать о своей подруге Зене Сепаткиной, которая умерла в шестьдесят один год, а до этого одиноко жила в Свистовке. У нее было двое сыновей: один из них родился в Миле 23¹³, где Зена жила в детстве и юности, но после того, как она вышла замуж за человека из Свистовки, ее первый сын остался в Миле 23 на воспитание своим родителям. У ее мужа из Свистовки от первого брака было уже шестеро детей, а от Зены у него появился еще один ребенок, который сейчас живет в Сулине.

После этого короткого вступления Александра продолжила свою речь.

В Миле 23 Зена работала няней и рыбачкой. Когда она вышла замуж за ее нынешнего супруга, ей было двадцать восемь, а ему — сорок семь. До самой смерти Зена работала у себя на огороде в Свистовке и разводила кур.

В Миле 23 Зена восемь лет ходила в школу, после чего никаких других школ в ее жизни не было. Родилась она в Старой Килии¹⁴, а потом ее отец переехал вместе с семьей в Милу 23. С тех пор, как Зена перебралась в Свистовку, она больше нигде не переезжала, однако довольно часто виделась со своими сыновьями: то они приезжали в Свистовку, то порой и она сама ездила в Милу 23 и Сулину. Еще у Зениной матери был брат в Украине, с которым та поддерживала связь до конца жизни; впрочем, сама же Зена не помнила даже, в каком украинском городе жил ее дядя.

О коммунистическом периоде Зена всегда отзывалась позитивно, потому что ей тогда жилось хорошо: у нее были даже свиньи и около сотни кур. Позже, по ее мнению, жить стало тяжелее. После переворота у нее остался только маленький огород и пара куриц, а корм быстро и очень сильно подорожал: мешок зерна стоил больше восьмидесяти леев. При Чаушеску жизнь была дешевле и лучше, — тогда у людей была работа, а сегодня многие ее не могут найти, так что даже не знают, на что им лучше потратить свое время, чтобы получить необходимые для выживания средства.

13 Мила 23 — село неподалеку от Тульчи. — Прим. перев.

14 Старая Килия — село неподалеку от Тульчи. — Прим. перев.

Зена считала, что после вступления Румынии в Евросоюз все стало дороже, а у бедняков денег все равно не появилось. Ей казалось, что сейчас, во времена ЕС и демократии, в Румынии существует мафия, которая обладает огромными деньгами и может позволить себе все. Ну а бедным людям, по ее мнению, не остается больше ничего, как работать на своих огородах и выращивать там овощи.

Зена регулярно ходила в церковь и даже пела в хоре Свистовки, который до сих пор возглавляет ее полная тезка, Зеновия Сепаткина. Церковь и репетиции хора были для Зены приятным времяпровождением, и она часто рассказывала, что в хоре было много старых теток, которые вместе пели, танцевали, плакали, и которым было друг с другом хорошо.

Александра закончила свой рассказ тем, что Зена была жизнерадостной женщиной. Как участник хора Свистовки, она с большим удовольствием ездила на фестивали старообрядцев по всей Румынии, где хор Свистовки пел русские народные песни. При этих словах многие гости начали вспоминать, какой у Зены был красивый голос и что было только совсем немного человек, кто мог так мелодично и завораживающе петь русские народные песни, как она. Все присутствующие скорбели о том, что веселая Зена теперь покинула их.

После двухминутной паузы, пока гости вспоминали усопшую и тихо молились за упокоение ее души на том свете, платок отправился дальше.

МАРИЯ ПАНКРАТОВА

После Александры слова попросила Аня. Она рассказала о своей подруге Марии Панкратовой. Та умерла в семьдесят четыре года; у нее осталось четверо детей. Один сын живет в Свистовке, двое сыновей — в Сулине, и еще есть дочь в Тульче. Мария рассказывала, что раньше в Свистовке было очень весело жить, потому что там жило и работало много народу.

После этого короткого вступления Аня продолжила свою речь.

Мария была домохозяйкой, а ее первый муж — рыбаком. После того, как он ушел из жизни, она еще раз вышла замуж. Часто рассказывала она, что раньше в Свистовке были большие сады, много коров и даже овцы, и все время сожалела, что молодежь уходила в города из-за нехватки рабочих мест, так что в деревне жили уже только старики, которые больше не могли работать.

Сама Мария четыре года училась в русской школе в Свистовке. После этого учебу пришлось прекратить, так как ходить в школу было затратно, а у родителей было четверо детей и недостаточно денег. И предки Марии, и сама она — коренные жители, уроженцы Свистовки. Однако уехавшие отсюда ее дети приезжали навестить мать самое большее раз в год, поскольку стремились к самостоятельной жизни. Иногда Мария ездила навестить детей, но в старости поездки давались ей с большим трудом.

Мария точно не знала, когда предки ее самой переехали в дельту Дуная, но рассказывала, что Свистовка была основана русскими поселенцами уже примерно двести лет как. Селяне жили, главным образом питаюсь рыбой из озера рядом со Свистовкой, а после того, как были построены первые дома и церковь, здесь начали заниматься сельским хозяйством. Мария говорила, что липоване жили не только тут, но и в Периправе, а также и на украинском берегу дельты Дуная.

В Украине у Марии было много дядьев и теток, поэтому она ездила туда регулярно до 1995 года, и во времена Чаушеску она там тоже бывала. О жизни тогда Мария все время повторяла, что при Чаушеску у всех была работа. Тогда у людей были большие и прекрасные крестьянские дворы, и они получали достойную плату за свои труды. Про обстановку после

переворота Мария часто говорила, что было много всего, что купить, но люди сидели без работы и поэтому по-прежнему не могли себе ничего позволить. Сама Мария в старости получала пенсию в триста леев. Этого хватало для того, чтобы купить необходимые ей медикаменты, но на большее денег было недостаточно. Летом Мария могла кормиться урожаем с ее огорода, но зимой ей приходилось покупать продукты, что было слишком тяжело для ее достатка. Европейским Союзом она не интересовалась, считая, что политики — бандиты, которые о чем-то вдруг простым людям. Зато она регулярно ходила в церковь и хорошо разбиралась в праздниках старообрядцев.

В конце своего рассказа Аня добавила, что Мария была единственной в Свистовке, кто жил в окружении части своей семьи, поскольку в доме напротив жил ее сын Яков с пятью внуками. Те часто ходили к бабушке и поддерживали ее своей детской беззаботностью и жизнелюбием. Мария учила своих родственников русским народным песням и пела со своей невесткой Любой и двумя внучками в хоре Свистовки.

Когда Аня говорила о внуках Марии, некоторые гости вновь стали сокрушаться, что в Свистовке остается все меньше детей. Они говорили, что было так весело слышать здесь и там детские крики и угощать игравших малышей сладостями.

После двухминутной паузы, пока гости вспоминали усопшую и тихо молились за упокоение ее души на том свете, платок отправился дальше.

ЕВДОКИЯ ВОРОБЬЕВА

После Ани слово взяла Оксана и рассказала о своей подруге, Евдокии Воробьевой. Евдокия умерла в восемьдесят восемь лет, и хоть она и была замужем, детей у этой пары не было. Зато у Евдокии была сестра и два брата, из которых один жил в Сулине с семьей своей дочери. В старости Евдокия лишь изредка встречалась со своими братьями и сестрами, поскольку она почти ослепла и была слаба.

Мать ее происходила из Одессы, а отец родился в Свистовке. Сама Евдокия раньше работала на крупных землевладельцев, причем работа эта была очень тяжелой. В то время Румыния еще была монархией, и правил ей король Михай I. Евдокия работала по шесть месяцев у каждого землевладельца, в том числе в Брэиле¹⁵ и в Чернаводэ¹⁶. Крестьяне и крестьянки спали на соломе бок-о-бок друг с другом. Когда к власти пришел Георгиу-Деж, коммунистический лидер, у владельцев собственности стали отнимать земли и основывать на них большие колхозы, для строительства которых привлекали и заключенных.

После короткого вступления Оксана продолжила:

Сама Евдокия родилась в Свистовке. Когда она была еще ребенком, ее отец, рыбак, утонул в Черном море, так что мать осталась с детьми одна. Евдокия четыре года ходила в школу в Свистовке и еще три года в К. А. Розетти, причем во время обучения ей приходилось говорить по-румынски, поскольку русский был запрещен в официальных местах (дома, разумеется, они общались на русском языке). Однако школа в К. А. Розетти раньше считалась очень хорошей, и у нее был почти что статус гимназии.

Потом в поисках работы Евдокия отправилась в Тульчу вместе со своими братьями и сестрами. Она сама считала эти времена очень тяжелыми, поскольку приходилось все время работать, чтобы выжить. Через несколько лет она вышла замуж за одного молдаванина, работавшего лесничим в общине К. А. Розетти, а после развода с ним женилась на враче из Свистовки. Через десять лет он умер, и с тех пор она жила одна. В старости Евдокия вела очень бедную жизнь, большей частью питаясь тем, что возделывала своими старческими руками у себя на огороде.

Родители Евдокии познакомились во время Октябрьской Революции в России, где ее отец в то время служил в армии. После Революции мать Евдокии родила первого ребенка, из-за чего семья переселилась в Свистовку. Сестра Евдокии позже жила в Тульче, а из двух братьев один жил в Свистовке, а другой поселился в Сулине. У самой матери еще был брат в Одессе, который служил в суде.

15 Брэила — город в Валахии. — Прим. перев.

16 Чернаводэ — город в Добрудже. — Прим. перев.

Вспоминая про времена Михая I, Евдокия рассказывала, что тогда она была крестьянкой, спала на соломе, и ее донимали паразиты. После того, как власть перешла к коммунистам, Евдокия получила рабочее место в колхозе, где она занималась земледелием и уходом за крупным рогатым скотом. Говоря о социализме, Евдокия часто повторяла Оксане, что в это время о скотине заключали такие же договоры, как при Михе — о человеческой рабочей силе.

После перехода власти к коммунистам появился общедоступный транспорт, который был нужен всем. При Михе же из-за нищеты Евдокии приходилось ходить пешком. Однажды они с братьями и сестрами даже прошли пешком вверх по течению Дуная вдоль берега из Свистовки до Тульчи, чтобы там найти работу. С возникновением же общественного транспорта в коммунистические времена по Румынии стало очень легко ездить. Зато заграничные поездки были очень дороги, поскольку надо было получить многочисленные бумаги, чтобы иметь право покинуть Румынию, ну а поездки в западные капиталистические страны для большинства были вообще запрещены.

Поэтому Евдокия считала, что жизнь с момента вступления Румынии в Евросоюз стала свободнее, так как теперь у каждого человека есть ID-карта, с которой он может свободно путешествовать. Но перераспределение средств, по ее мнению, работает плохо: правящая элита в Бухаресте набивает деньгами карман, а для нуждающихся в деревнях остается мало средств.

Как две крайности, Евдокия часто сравнивала неработающее распределение денег в ЕС с хаосом в Российской Империи во времена Октябрьской Революции, когда власти пытались добиться справедливости, отнимая у богатых их собственность. К примеру, из рассказов ее матери, которая работала служанкой у богатей в Одессе, Евдокия узнала, что во времена Революции к обеспеченным людям по ночам приезжали черные автомобили, чтобы забирать у них деньги и драгоценности. Однажды такая машина приехала и к той семье, где работала мать Евдокии. Сотрудник тайной полиции сперва забрал семейные драгоценности, а потом арестовал и главу семьи.

Евдокия жаловалась и на то, что вблизи со Свистовкой нет больницы. Ей даже пришлось ехать в Тульчу, чтобы сделать операцию на глаза. Кроме того, ей было очень грустно, что очень много хороших врачей из Румынии уехало за границу.

Церковные богослужения Евдокия никогда не посещала.

Она хорошо отзывалась о туризме и даже говорила, что раньше сама принимала у себя иностранных гостей и что было бы хорошо, если бы больше их приезжало в дельту Дуная.

Когда Оксана рассказывала о Евдокии, некоторые слушатели сокрушались, что у той было такое тяжелое положение в последние годы. Они говорили, что трудолюбивая и гостеприимная женщина в старости должна была заслужить более спокойную и приятную жизнь. Другие слушатели, однако, обсуждали, почему Евдокия никогда не ходила в церковь и почему у нее не было детей ни от одного брака.

После двухминутной паузы, пока гости вспоминали усопшую и тихо молились за упокоение ее души на том свете, платок отправился дальше.

ЕРЕМЕЙ ХАЛКИН

После Оксаны слово взял Афанасий, чтобы поведать о своем друге Еремее Халкине, который умер в семьдесят один год. У него осталось четыре дочери. Еремей всю жизнь был рыбаком, но на старости лет сделался инвалидом, лишившись обеих ног из-за заражения крови.

После этого грустного вступления Афанасий продолжил свою речь.

Еремей Халкин родился в Свистовке и четыре года ходил там в русскую школу, после которой больше нигде не учился. Уйдя из школы, Еремей помогал своим родителям, которые тоже промышляли рыбной ловлей, а несколько лет спустя отправился в армию, после которой он вернулся к рыболовецкому промыслу и посвятил этому делу всю свою жизнь.

Из его дочерей две живут в Тульче, одна — в Сулине и еще одна — в Свистовке: последняя заботилась о своем больном отце вплоть до его смерти, а другие часто приезжали к папе и поддерживали сестру в уходе за больным. У Еремея не было родственных связей с Украиной, да и поездить по миру ему не удалось.

Когда речь шла об эпохе социализма, он говорил, что многое было хорошо, но и плохо тоже было много. Однако после переворота дела у него пошли в гору, если сравнивать с Румынией Чаушеску: большинство людей сразу после революции еще имели работу, но уже могли открыто выражать свое мнение и свободно путешествовать. Позднее многих поувольняли, и найти работу становилось все тяжелее и тяжелее, однако на Евросоюз Еремей смотрел позитивно, считая, что другие страны — члены ЕС — поддерживают Румынию, и что жизнь постепенно налаживается.

Раньше Еремей регулярно ходил в церковь, но после ампутации это уже было невозможно.

Афанасий подытожил, что Еремей был очень простым и тихим человеком. Он всегда поддерживал Афанасия добрым советом, когда тот разошелся со своей женой и испытывал жизненный кризис. После ампутации ног жизнь самого Еремея стала очень тяжелой, поскольку отныне он был привязан к инвалидной коляске и зависим от своей дочери, — по песчаным, покрытым рытвинами дорогам Свистовки передвигаться самостоятельно ему удавалось с трудом. Но, как сказал Афанасий, даже в этих обстоятельствах радостно было то, что Еремей не потерял ясного ума и своего жизнелюбия. (При этих словах гости стали аплодировать, выражая свое уважение к покойному.)

После двухминутной паузы, пока гости вспоминали усопшего и тихо молились за упокоение его души на том свете, платок отправился дальше.

МАРКО СЕПАТКИН

После Афанасия выступил Игнат с рассказом о своем друге Марко Сепаткине, который умер в шестьдесят пять лет. Он был женат на Зеновии Сепаткиной, с которой у него было две дочери. Обе они уже вышли замуж. Сам Марко занимался рыбным промыслом в Сулине и Свистовке, а на пенсии жил дома и работал по хозяйству.

После этого короткого вступления Игнат продолжил свою речь.

Марко родился в Свистовке. Здесь он окончил четыре класса русской школы, однако в тяжелые послевоенные годы возможности получить дальнейшее образование у него не было. В восемнадцать лет он начал заниматься своим рыбацким делом, в 1969-м на два года ушел в армию, а после до пенсии продолжил занятия рыбным промыслом.

Обе дочери Марко долгое время жили в Сулине, но потом в поисках работы поехали куда-то в Европу: то ли в Испанию, то ли во Францию или Италию. Сам Марко точно об этом ничего не знал, потому что виделся со своими дочерьми только тогда, когда они обе еще жили в Румынии.

В коммунистические времена для Марко все было так же, как сегодня: что до переворота, что после он жил простой жизнью, никогда никуда не уезжая, поскольку у него не было родственников за пределами дельты Дуная. Других же причин куда-то поехать, если не к родственникам, он не видел. Однако о Европейском Союзе Марко отзывался очень скептически, воспринимая его как причину все ухудшающегося положения Румынии: больше и больше людей теряет свою работу, а нуждающиеся получают слишком мало социальной помощи.

В церковь Марко ходил по воскресеньям и всем церковным праздникам.

По сравнению со своей женой Зеновией, которая до сих пор руководит хором в Свистовке и является управляющей свистовской липованской общины, Марко вел неприметную жизнь.

В противоположность Зене, много раз за год ездящей с хором на фестивали старообрядцев по всей Румынии, Марко никогда не уезжал надолго из своей родной деревни и лишь изредка появлялся на публике.

Игнат завершил свой рассказ, уверив всех слушателей, что Марко был тихим и приветливым товарищем, с которым можно было часто встретиться за стаканом пива и рассказать многое, не стремясь получить какие-то советы. После этих слов некоторые присутствующие пустились в воспоминания о том, как они болтали с Марко на скамейке перед его домом и пили там его домашнюю брагу. А отдельные гости помладше стали рассказывать, как Марко брал их с собой за покупками в соседнюю деревню, когда ездил туда на своей повозке с лошадьми.

После двухминутной паузы, пока гости вспоминали усопшего и тихо молились за упокоение его души на том свете, платок отправился дальше.

АННА ШИГАРОВА

После Игната попросила слова Алена. Она рассказала о своей подруге Анне Шигаровой. Анна в старости одиноко жила в Свистовке и умерла в девяносто лет. За свою жизнь она родила десятерых детей, но выжили только три сына и дочь.

Раньше Анна и ее муж занимались сельским хозяйством. У них были поля, коровы, лошади и до сотни кур. После смерти мужа Анна отказалась от сельскохозяйственной работы, поскольку ей было тяжело в одиночку справляться с ней. По ее рассказам, муж говаривал, будто переживет ее, а сам умер раньше. Анна считала, будто это из-за того, что тот не хотел оставаться в больнице во время болезни, тоскуя по дому и жене.

В свободное время Анна с удовольствием смотрела телевизор, хотя за антенну ей и приходилось много платить: она была на это готова ради любимого развлечения, а с антенной получалось ловить до сотни каналов на румынском и русском.

После этого короткого вступления Алена продолжила свою речь.

Анна родилась в Свистовке и никогда не ходила в школу — у нее было восемь братьев и сестер, а отец рано умер, и матери была нужна помощь по хозяйству. Дети пасли коров и помогали маме на огороде. В 1945 году Анна женилась на торговце из Свистовки. Муж ее был весьма состоятельным человеком: он владел магазином не только в Свистовке, но и еще одним — в Сулине. Из четырех детей Анны дочка и двое сыновей жили в Сулине, а третий сын — в Тульче. Сыновья навещали маму редко, но дочь все время приезжала, чтобы с ней общаться и следить за порядком в доме. Братья и сестры Анны умерли, пока та еще была жива. Иногда она вспоминала про брата, жившего на одной улице с ней. У того был чудесный дом и четверо детей, самый младший из которых трагически погиб от удара током.

Анна часто рассказывала, что ее предки происходили из Хабаровска и занимались там рыболовством. Несколько лет ее навещала двоюродная сестра оттуда и звала Анну в ответ приехать в Хабаровск. Однако та говорила, что эта поездка ей была уже не по силам, и радовалась тому, что те ее хабаровские

предки переехали оттуда в дельту Дуная. Еще она почему-то считала, что у других ее предков из Румынии было хорошее образование. Кстати, дочь Анны хорошо знала румынский и ходила в гимназию, а внучка изучила много языков и сейчас ведет счастливую жизнь в Анкаре.

У Анны было еще много родственников в украинском местечке Вилкове: ее сестра жила там с семьей. Много лет назад к Анне приезжала ее украинская племянница с мужем и детьми, а сама она раньше тоже часто бывала в Украине и даже добиралась на автобусе из Вилкова в Одессу.

Анна не видела разницы между социализмом и теми временами, что наступили позже. В свое время она боялась, что коммунисты запретят религию, но когда солдаты Красной Армии стояли в Свистовке после Второй мировой войны, старообрядцы ходили в церковь вместе с советскими офицерами. Один из них носил на шее цепочку с крестом и называл почти всех иконы, зная о них больше самих старообрядцев.

Анна говорила, что жить было по-своему хорошо как во времена социализма, так и после переворота. В Украину, правда, она ездила еще при коммунистах. Когда речь заходила о Евросоюзе, Анна говорила, что он ей не нужен, и она не знает, чем он может ей помочь. Она была уверена, что Чаушеску не стоило убивать: его называли в Румынии «папочкой», и если бы он остался в живых, то в стране был бы больший порядок. С другой стороны, она вспоминала, что те люди, которые при Чаушеску страдали, стали жить существенно лучше после его смерти.

Анна ходила в церковь по выходным и праздничным дням. Она объясняла, что в Свистовке нет других возможностей себя развлечь, кроме церковных служб.

Алена, завершая свой рассказ, оглядела всех присутствующих и сказала, что на примере ее подруги Анны можно видеть, как старообрядцы по всему миру связаны друг с другом, несмотря на их проживание в отдаленных сельских уголках.

Кстати, Алене всегда было интересно, почему же Аннины предки из Хабаровска переселились в Свистовку, да и происходили ли ее вилковские родственники оттуда же. Увы, Анна сама этого точно не знала и не могла что-то утверждать, разве что она считала, будто климат в Свистовке лучше, чем в Хабаровске, и оттого ее предкам было здесь легче прокормиться.

Еще Алена добавила, что ее совершенно восхитила история о советских офицерах в послевоенной Румынии, среди которых были не только большевистские безбожники, но внезапно оказывались и верующие православные. По ее мнению, случай того офицера, который объяснял жителям Свистовки смысл икон в сельской церкви, показывает, что многие люди из советской элиты были верующими негласно, вопреки действующей государственной идеологии атеизма, получив, возможно, религиозное воспитание в детстве, — еще до Октябрьской революции.

Некоторые из присутствующих вспомнили о том, как они жаркими летними днями играли в шахматы на террасе Анниного дома, а хозяйка наливала им прохладный фруктовый сок. Они заметили, что у Анны было самое ухоженное хозяйство в Свистовке: и дом, и двор у нее всегда были в идеальном порядке.

После того, как гости молча думали об умершей Анне и возносили молитвы за упокоение ее души на том свете, платок отправился дальше.

НАДЕЖДА КУЛИ

После Алены выступила Альфия с рассказом о своей подруге, Надежде Кули. Надя умерла в семьдесят шесть лет; у нее остался сын и четыре дочери, а в Сулине жили ее брат и три сестры. Сама Надя всю свою жизнь была домохозяйкой, а в свободное время ходила на службу в храм или в дом культуры Свистовки, но на старости лет из-за больных ног уже не могла выйти из дома.

После этого короткого вступления Альфия продолжила свой рассказ.

Надя родилась в Свистовке и четыре года ходила в русскую школу. Три ее дочери и сын живут сейчас в Тульче, а четвертая дочь осталась в Свистовке (ее дом — первый по дороге из К. А. Розетти). Иногда Надю навещали и ее дети, и братья-сестры. Родители Нади — здешние, но у нее была еще и двоюродная сестра в Вилкове. Однако после смерти кузины связь с украинской частью дунайской дельты у Надежды совершенно пропала.

Во времена социализма, по словам Нади, было радостно, но неплохо стало и после переворота. Во времена Чаушеску Надя один раз побывала у двоюродной сестры, сумев оформить себе визу и поехать за Дунай в Советский Союз. Зато после переворота у Нади появились коровы, и стало много работы. Правда, перед смертью у нее оставалась только одна лошадь и собака. Впрочем, о Евросоюзе Надя думала, что вступление Румынии в ЕС — это нормально. Главным для нее было то, что люди могут жить мирно и спокойно.

Раньше Надя регулярно ходила в церковь, но на старости лет передвигаться стало нелегко. Она сидела дома и, по ее словам, все ждала, когда же Смерть из Периправы заберет ее с собой. Почему-то она считала, что Смерть живет именно в Периправе.

Альфия с улыбкой оглядела присутствующих и добавила, что Надя была очень спокойной, прямо-таки стоической женщиной, которая всегда пыталась примириться с данностью. Постоянное общение с дочерью в Свистовке помогало ей в старости. При словах о том, что Надя представляла себе смерть как дружелюбную гостью, пришедшую к ней из Периправы, некоторые засмеялись и вспомнили, что Надя никогда не лезла за словом в карман, и в самые трагические моменты она могла вдруг сказать что-то забавное и веселое, за что с ней так любили общаться и всегда звали в гости другие жители Свистовки.

После двухминутной паузы, пока гости вспоминали усопшую и тихо молились за упокоение ее души на том свете, платок отправился дальше.

ЛАЗЕР КУЗОВ

После Альфии слово взял Николай. Его рассказ был о Лазере Кузове, который умер в семьдесят шесть лет, оставив дочку и двоих сыновей. Лазер ушел на пенсию в пятьдесят пять, а до этого был профессиональным рыбаком: двадцать шесть лет (!) он работал на рыбном заводе в Сулине, после чего пять с половиной лет ловил рыбу за границей в океане. Вернувшись оттуда, Лазер еще пару лет провел на рыбном заводе, а на пенсии жил со своей женой дома. Супруги ходили вместе за водой, вместе рубили дрова и ловили рыбу в протоке, вместе ходили за покупками в магазин и на службу в церковь. Лазер часто говорил, что у него и жены все время было, чем заняться, и они вместе радовались тем годам совместной жизни, которые Господь им подарил.

После этого короткого вступления Николай продолжил свою речь.

Дочка Лазера и его старший сын Василий уже завели семьи. У Василия трое детей, и живут все они в Тульче. Дочь Лазера живет и работает в Италии, а младший сын Александр служит корабельным поваром на разных океанских судах.

В свободное время Лазер очень любил играть на гармошке. Раньше он выступал на больших праздниках вроде свадеб, да и на пенсии еще продолжал время от времени заниматься, но только для себя. Лазер частенько говаривал, что и в старости игра на гармошке приносит ему много радости. Каждый октябрь в Свистовке проходит большая кирта¹⁷, на которую съезжаются гости из Тульчи, Сулины, Брэилы и Галаца. Лазер всегда радовался кирте, потому что на ее протяжении он чудесно проводил время со своими и чужими детьми, приезжавшими на этот фестиваль.

Лазер, как и его отец, родился в Свистовке, и у него было двое братьев и две сестры. В детстве он ходил с ними и с отцом ловить рыбу и собирать камыш. Постепенно братья и сестры Лазера разъехались из Свистовки, и он остался в деревне один.

17 Фестиваль, посвященный освящению местной церкви (у никониан — «престольный праздник»). — Прим. перев.

Будучи уже на пенсии, он был доволен жизнью в Свистовке со своей женой и наслаждался там сельской уединенностью и тишиной, однако порой признавался, что лучшие моменты в жизни он испытывает, когда к нему приезжают в гости его дети, тоже уехавшие из деревни. Когда это случалось, старик играл на гармошке и плясал. Кроме того, он готовил вместе с ними, и многие часы пролетали в этой компании незаметно.

Когда дети Лазера уехали из Свистовки, его жена Маруся попыталась убедить супруга тоже перебраться в город. Но тому не хотелось переселяться, поскольку Лазер был связан с родной деревней всей своей жизнью, да и узнал вдобавок, что жить в сельской местности гораздо дешевле, чем в городе. К примеру, у самого Лазера была пенсия всего в 650 леев, но в Свистовке благодаря саду и огороду еды было в достатке, так что на пропитание много тратить не приходилось. Тем не менее, его пенсия все равно почти вся уходила на остальные продукты.

В детстве Лазер четыре года ходил в русскую школу Свистовки. В начале шестидесятых, несколько лет спустя после прихода к власти коммунистов, занятия начали проводить на румынском языке вместо русского. Да и отец Лазера не хотел отправлять детей в школу больше, чем на четыре года: он считал, что настанет время, когда людям с хорошим образованием придется работать дворниками. После школы Лазер занялся рыбной ловлей. Все его братья и сестры еще живы: одна сестра живет в Сулине, одна — в Констанце, один брат — в Старой Килии и еще один — в Тульче. По важным праздникам — на Новый год, Пасху или ежегодную кирту Свистовки 14 октября — Лазер устраивал у себя дома встречу домочадцев и родственников. Много родных с радостью бы навещали Лазера почаще, но все дороги в Свистовку сильно разбиты. Кроме того, раньше из Периправы и Сулины в Свистовку ходили маршрутки, но позже их значительно сократили. Лазер иногда упоминал, что его младший сын Александр очень часто приезжает, а своего старшего Василия он видит все реже. Всегда, когда Лазер рассказывал о Василии и Александре, он упоминал и о третьем сыне, который утонул много лет назад в протоке.

Предки Лазера по отцовской линии происходили из-под Вилкова. Когда он еще был ребенком, отец рассказал ему, что его дедушка переселился в Свистовку из Вилкова после Октябрьской революции — новообразовавшийся Советский Союз стал преследовать верующих, и это привело к массовым казням и к разрушению многих церквей. Это делалось под лозунгом «Бога нет!».

Когда Николай спрашивал Лазера про его родственные связи с украинской дельтой, тот рассказывал, что у него все еще есть несколько племянников и племянниц в Вилкове, Измаиле и других украинских местах. Порой он сожалел, что не поддерживает отношения с родственниками. Лазер с радостью поехал бы тогда в Украину, чтобы посмотреть, как у них дела, но для этого у него не было ни денег, ни заграничного паспорта.

Отзываясь о социалистической эпохе, Лазер говаривал, что людям при Чаушеску жилось неплохо. У каждого была работа и минимальный доход, на который можно было хорошо жить. Да и преступников было мало. При Чаушеску все магазины принадлежали государству и управлялись государственными служащими; сегодня же магазинами заправляют частные лица, которые сами должны заботиться лишь о том, чтобы товара хватало. Лазер частенько сокрушался, что после переворота продовольствие резко подскочило в цене, так что ему приходилось строго считать, что он покупает, а от чего отказывается.

Еще он волновался о том, что со времен переворота в Румынии много безработных, а иным сокращают зарплату, и отмечал, что после открытия границ людские потоки хлынули из Румынии, чтобы найти за рубежом лучше оплачиваемую работу и обстановку, более подходящую для жизни.

Во времена социализма Лазер обошел матросом весь мир. Во время своих путешествий он побывал в Нью-Йорке, Галифаксе, Лас-Пальмасе, Нуакшоте, Стамбуле и Берлине. Лазер вспоминал, как ночью в Берлине он видел ярко освещенную стену. Во время своих путешествий тех времен он перемещался не только морем, но порой и поездом, и самолетом.

Поначалу после переворота Лазеру казалось, что вскоре после смены режима людям станет легче, но в действительности все стало хуже (во всяком случае, он так считал). Причину тому он видел в постоянно растущем уровне безработицы.

О Европейском союзе Лазер говорил так: простые люди, как он, не знают, что вообще обозначает ЕС, и каких результатов хочет добиться Румыния своим вступлением в эту организацию, но образованные люди, окончившие университет, наверняка в этом разбираются лучше.

О себе как о прихожанине Лазер рассказывал, что время от времени ходит в храм, там ставит свечку и молится за тех, кто для него дорог. Он жаловался, что путь в церковь для стариков такой утомительный, что им каждый раз после этого приходится отдыхать в постели. Лазер считал, что в церковь Свистовки ходят только местные, поскольку жители других старообрядческих общин (например, Периправы) имеют свои храмы.

В заключение Николай отметил, что Лазер был чрезвычайно жизнерадостным человеком, для которого главным счастьем были встречи с родственниками и друзьями. Конечно, ему было немного грустно оттого, что все его дети уехали из Свистовки, и к тому же он продолжал горевать о сыне, который погиб, но, несмотря на это, Лазер почти всегда был в хорошем расположении духа, которое выражалось в его веселой игре на гармошке. С наибольшим удовольствием он играл гостям русские народные песни.

Во время последних слов Николая некоторые вспомнили теплые летние вечера у Лазера на дворе, где он наливал гостям домашнее вино и после этого брался за гармошку, чтобы порадовать присутствующих веселой застольной музыкой. У многих стояли слезы в глазах, когда они вспоминали, как трогательно Лазер говорил о своем умершем сыне и как тепло он обнимал своих детей, когда те к нему приезжали.

После того, как гости вспомнили ушедшего Лазера и тихо помолились за упокоение его души на том свете, черный платок вернулся к Владимиру.

Круг рассказчиков подошел к концу, и соседи по столу снова начали свои разговоры. Тишина и внимание, доселе царившие за столом, перетекли в оживленное общение, которое время от времени перемежалось смехом или громким возгласом.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Несколько лет спустя после поминок, одним августовским днем я вновь был на пути в Свистовку, чтобы побывать в гостях у моих старых знакомых и посмотреть, как деревня изменилась за последние годы. Пока я сидел на палубе теплохода в Сулину, и свежий встречный ветер дул мне в лицо, я гадал, как же жилось моим друзьям в последние годы. Хотелось поскорее узнать, все ли они еще живы и сможем ли мы в этот раз снова встретиться в общинном центре за партией в шахматы или за милым разговором под бокал вина. Пока я думал о людях Свистовки и их жизни, меня вдруг сморило. Усталость и монотонный шум корабельных моторов погрузили меня в приятный послеобеденный сон, от которого меня внезапно пробудил чей-то громкий голос. Оказалось, что передо мной стоял капитан судна и говорил мне, что мы уже прибыли в Сулину, что я — последний пассажир, и мне надо сойти на берег как можно скорее, потому что теплоход надо убирать и готовить к обратному рейсу в Тульчу. Я смущенно извинился перед капитаном и поспешил покинуть палубу.

Вдали виднелась большая толпа народа, которая постепенно растворялась. Это были другие пассажиры судна, которые все расходились и разъезжались по отелям, гостиницам и домам Сулины. А потом я заметил высокорослого мужчину, который радостно мне помахал. Я пошел к нему и узнал моего старого друга Василия. Он ездил в Сулину к своей сестре Финике, и теперь мы отправились вместе с ним на лодке в Свистовку.

Во время поездки я очень волновался, поскольку мне с трудом верилось, что после такого длительного отсутствия я снова попаду в эту деревню, к моим старым друзьям. На заходе солнца мы прибыли и от причала сразу направились к дому Василия, стоящему неподалеку от церкви. Когда я забросил туда свои вещи, мы решили совершить небольшую вечернюю прогулку.

Мы шли мимо уже погасших окон Свистовки, и в последних лучах заката виднелись контуры многочисленных глиняных мазанок, которые были заброшены. Пока я рассматривал руины домов, то не мог не думать о своих ушедших знакомых, чьи жизни были рассказаны на похоронах Сергея Сербова, — отца Василия Сергеевича. На дворе Лазера, где он когда-то играл на гармошке и куда радостно выбегал навстречу приехавшим к нему детям, сейчас росла высокая трава. В вечерней тиши я пытался представить, как там раньше пели и плясали люди. Когда мы проходили мимо дома Анны Шигаровой, я заметил, что деревянная входная дверь прогнила, а терраса перед ней, где в тени высоких деревьев жаркими летними днями между жителями Свистовки разворачивались увлекательные шахматные поединки, заросла где густой травой, а где ярким мхом.

После того, как уже стемнело, мы с Василием подошли к дому, где когда-то жил Карп со своей женой и тремя детьми. Тем временем взошла луна, и Карпов дом в неверном лунном свете стал производить праздничное впечатление. Мне показалось, что радостный дух покойного хозяина еще можно почувствовать вблизи его дома, и я задумался, как же проживают жена Карпа и его дети. Пока я, полон этих мыслей, стоял рядом с его домом, в окне зажегся свет. Сквозь пару старых серых штор я увидел маленькую комнату, а в ней — долговязую фигуру вдовы Карпа. Она несколько минут стояла в центре комнаты, но при слабом освещении я не смог понять, чем она занята. Когда окно погасло, при свете луны я заметил черную кошку, которая пробежала через сад перед домом и проворно залезла на высокое дерево. Я машинально проводил ее взглядом, одновременно пытаюсь представить, что же могла делать жена Карпа в комнате. Может быть, она думала об умершем супруге и вспоминала, как она танцевала здесь с ним медленный вальс под музыку из старого проигрывателя...

Но Василий своим решительным голосом вырвал меня из раздумий, позвав навестить его умершего папу на кладбище. Так наша вечерняя прогулка привела нас на Свистовский погост.

Кладбище производило впечатление запустения, поскольку жители деревни чаще всего ходили туда, лишь когда кого-то снова несли хоронить. Большинство могил едва ли кто-то приводил в порядок хотя бы однажды за все время их существования.

Главным образом об умерших вспоминали по снимкам. Во многих домах находятся миниатюрные варианты галереи семейных портретов: это много очень маленьких фотографий, которые наклеены на белую бумагу и затем вставлены в раму. Из них получается одна большая картина, на которой можно одним взглядом окинуть сразу всех ушедших.

Кроме фотографий, об умерших вспоминают по памятным дням. После погребения умершего в кругу его семьи и близких друзей отмечаются дни памяти, причем в точно установленный интервал дней, согласно ритуалу старообрядцев. В это время проводится служба, на которой поминают усопшего и молятся за благополучие его души на небесах. После панихиды родственники покойного приглашают гостей к себе домой на трапезу. За столом говорится о жизни, семье, заслугах, особенностях и чертах характера усопшего. Иногда, когда гости собираются уходить, они получают в дорогу каравай хлеба и небольшую сумму денег. Это символическая благодарность за то, что те приехали помянуть покойного и молились за него во время службы.

В темноте ночи мы с Василием постояли несколько минут у могилы его отца, после чего пошли домой. Я решил снова навеститься на кладбище на следующий день, чтобы, пока солнце не село, еще раз взглянуть на место упокоения тех людей, о жизни которых рассказывали на поминках.

МОГИЛЫ НА СВИСТОВСКОМ КЛАДБИЩЕ

Элегия

В вечерних сумерках следующего дня я не без усилия открыл заржавевшую кладбищенскую дверь. В деревьях вокруг кладбища можно было услышать тихое шуршание легкого ветерка, а сам погост в лучах вечернего солнца сиял красным и золотым. Позади большого восьмиконечного деревянного креста, который высоко выдавался над другими могилами и был установлен в центре кладбища, находится несколько очень старых захоронений, чьи простые деревянные кресты уже обветшали и опрокинулись от времени. Сейчас на этих могилах растет только высокая трава, и я не ручаюсь, что в Свистовке еще есть кто-то, кто может вспомнить, что же за люди покоятся там.

На Свистовском кладбище царит особенное настроение — тихое и наводящее на размышления. Большинство могил не ухожено, поскольку родственники либо уехали, либо предпочитают вспоминать ушедших дома. Символ бренности отчетливо видится в упавших крестах, выгоревших надписях и проржавелой металлической ограде.

Почти все кресты на кладбище из дерева, металлических лишь несколько. Больше всего белых или некрашенных, цвета дерева, но есть еще синие и зеленые. Несколько могил обнесено оградой, но большинство из них можно опознать только по отдельно стоящему кресту без забора. У пары могил стоит по старому, местами сильно заржавелому металлическому столу. Он предназначен для поминальной трапезы (рефригериума), то есть для застолья, которое устраивают в честь умершего на его могиле. Обычно во время поминок родственники умершего ставят на этот стол миску с кутьей, или сочивом — вареными зернами пшеницы, политыми медом¹⁸. После этого гости по одному подходят к могиле, крестятся, говорят короткую молитву, «ходатайствуя» за умершего, и в конце вкушают ложку сочива. После приема рефригериума гость снова крестится, кланяется могиле и уступает место за столом другому.

Центр кладбища отмечает деревянный крест примерно двух метров в высоту. Над этим крестом сделана крыша¹⁹, а на ней с одинаковым интервалом установлены три маленьких деревянных крестика. Дорожки на кладбище большей частью полностью заросли травой, и между отдельными могилами растут многочисленные деревья, которые в жаркий летний день делают кладбище приятным тенистым местом тишины и размышлений.

18 В современной России кутью чаще варят из риса с изюмом, поскольку зерновую пшеницу достать нелегко. — Прим. перев.

19 Так называемый «крест-голубец». — Прим. перев.

Могила Федора, о котором было рассказано в самом начале поминок, находится не на Свистовском погосте. Федор умер в больнице Тульчи и был погребен на тамошнем старообрядческом кладбище. Я надеюсь, что какие-нибудь добрые люди ухаживают за его могилой, и время от времени кто-нибудь да останавливается перед ней и читает его имя на надгробном камне. Может быть, у Федора еще есть родственники в Тульче, которые заботятся о месте его упокоения.

На могиле Никифора стоит темно-коричневый деревянный крест, на котором обозначены даты его рождения и смерти. К кресту прислонен искусственный венок, а по всей могиле разложены оранжевые искусственные цветы, которые выражают память о покойном. Место ухоженное, и надо полагать, что жена Никифора, Ирина, заботится о нем.

На могиле Кулины стоит деревянный крест, с которого уже начала облетать его белая краска с красной надписью, но еще можно различить годы рождения и смерти. Так же, как и на могиле Никифора, здесь нет бурьяна, а к кресту прислонен такой же пластиковый венок, как тот, что украшает могилу Никифора. Стало быть, за местами погребения обоих ухаживает Ирина, жена Никифора и дочь Кулины. На могиле Кулины стоит маленькая засохшая елочка, которую посадили весной.

Могила Карпа я искал очень долго, потому что она находится на краю кладбища. Его крест выкрашен небесно-голубым, а надпись белая. Имя Карпа и даты жизни читаются с трудом, потому что их написали от руки. Его могила уже совсем заросла травой. Видимо, его семья мало заботит себя уходом за ней.

Тщетно я искал могилу Мауры. Я думал, не была ли она похоронена в Периправе, у себя на родине. Но когда я спросил об этом Василия, он сказал, что тело ее покоится в Свистовке, но на могиле не было поставлено креста. Оттого места погребения больше не найти. Я поинтересовался, почему же креста нет, а он ответил мне липованской легендой, которую ему часто рассказывала мать, когда он был маленьким. Согласно этому поверью, покойник должен тащить крест с собой на тот свет, а многие не хотят обременять умершего этой ношей и поэтому отказываются от креста на могиле.

Над Томой стоит светло-коричневый крест, на котором черным, хорошо читаемым шрифтом написаны имя и годы жизни. Могила Тома уже полностью заросла травой. В высокой траве рядом с крестом стоит серебряный фонарик. Скорее всего, жена Тома время от времени зажигала в нем свечку в память о супруге. Но прошло уже больше двух лет, как она уехала из Свистовки, чтобы провести закат жизни у своей дочери, и с тех пор могила осиротела.

На могиле Зены стоит низенький светло-коричневый крест. На нем черной краской написаны имя и годы жизни. Чтобы прочитать надпись, мне пришлось сперва снять венок из искусственных цветов, который лежал сверху, покрывая весь крест. На могиле не было травы, а это значит, что дети и, вероятно, подруги по хору взяли на себя заботу о могиле. Перед крестом лежит перевернутая кастрюля. Быть может, ее дали Зене с собой в дорогу на тот свет, чтобы она могла туда класть еду.

Мария похоронена вместе со своим мужем. Вокруг могилы — бетонное обрамление, на котором крепится белая металлическая ограда. На раме стоит каменная стела с именами и датами жизни супругов. Внизу нее можно прочесть по-румынски: «Мы никогда Вас не забудем». Выше на стеле выгравированы фотографии Марии и ее мужа. Между ними изображен восьмиконечный липованский крест. Сверху на стеле есть белая каменная полочка, на которой стоит закрытая лампада, тоже белая. Слева и справа от плиты — два белых креста, причем крест Марии немного ниже, чем у ее мужа. На каждом кресте — синяя металлическая пластина с белой надписью. Там, как и на стеле, имена и годы жизни. Могила супружеской пары почти без травы и украшена искусственными цветами. При виде стильной и ухоженной могилы заметно, что родственники Марии помнят о ней и ее супруге. Румынская надпись на камне — свидетельство того, что потомки Марии говорят в основном по-румынски, а русский знают лишь поверхностно.

Евдокию тоже похоронили рядом с мужем. Вокруг могилы — уже проржавевшая металлическая ограда. Крест у Евдокии белый, с черной надписью, и он выделяется по сравнению с зеленым деревянным крестом ее супруга, с которого краска уже почти совсем облезла, а надписи уже почти не разобрать из-за ржавчины. Перед крестами стоит по металлическому чану, которые должны служить умершим в загробном мире для хранения еды.

Могила супругов тогда еще не поросли травой, потому что за ними ухаживала подруга Евдокии, умершая совсем незадолго до моего визита туда. Вероятно, все быстро запустело, поскольку теперь в живых нет никого из друзей и родственников Евдокии и ее мужа.

Могила Еремея находится на кладбище в Сулине, потому что он провел там последние годы своей жизни и там и умер. Кладбище в Сулине состоит из шести частей (мусульманская, иудейская, румынская православная, русская православная, католическая и евангелическая) и отражает полиэтническую и поликонфессиональную структуру населения Сулины, сложившуюся явно еще со времен Османской империи. Могила Еремея находится в русской православной части кладбища, которая расположена на северо-востоке. Она окружена незатейливой белой оградкой. Белый металлический крест установлен на бетонном основании. На кресте вы найдете позолоченную металлическую пластину, на которой черными буквами начертаны имя и годы жизни. На могиле лежит высохший венок из цветов. То место, где гроб был опущен в землю, свободно от сорняков и бурьяна, — за могилой действительно ухаживают местные родственники Еремея. Простой металлический забор и такой же крест соответствуют тихому и скромному характеру ушедшего.

На могиле Марко стоит белый деревянный крест, на котором черными буквами написаны имя и годы жизни. Перед крестом лежат стеклянные сосуды и заржавевшая кастрюля. Вероятно, это все нужно понимать как погребальный инвентарь, который должен служить Марко на том свете для хранения еды²⁰. На могиле совершенно нет травы, потому что за ней с любовью ухаживает жена Марко, Зеновия Сепаткина.

Анна умерла в Свистовке, но ее родственники решили похоронить ее в Сулине. Хотя я много раз высматривал могилу Анны в русской православной части Сулиновского кладбища, найти ее мне не удалось. Может быть, она тоже, по липованскому поверью, была погребена в могиле без креста.

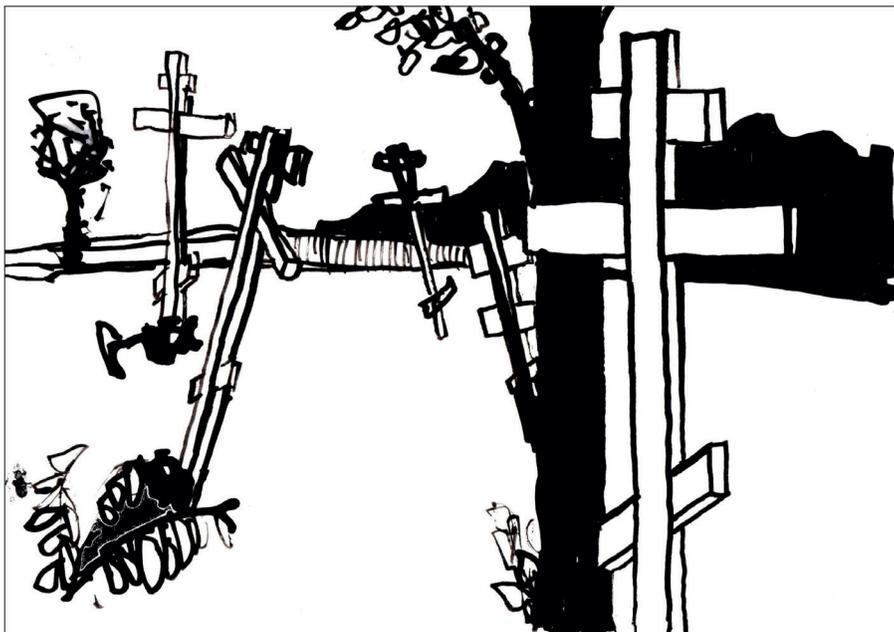
20 Стеклянную посуду часто оставляют на могиле для приносимых родственниками букетов. — Прим. перев.

Из всех умерших, о чьей жизни говорилось на поминках, у Надежды самая большая и необычная могила. Это семейное погребение, вокруг которого стоит металлический забор, украшенный маленькими крестиками. Надгробие Надежды — белая каменная стела, в которую вмонтирован восьмиконечный крест из черной породы. Пожалуй, это — единственное, что бы здесь было признано липованами. На каменном монументе выгравированы фотография Надежды, ее имя и годы жизни. Кроме того, вы найдете на ней надпись на румынском «Здесь покоятся наши дорогие, любимые родители — Мы Вас никогда не забудем». Могила украшена многочисленными искусственными венками и разными стеклянными сосудами²¹, которые лежат перед надгробием. За ним видны белые кресты других членов семьи. Семейная могила лишь слегка поросла травой, потому что за ней ухаживает дочь Надежды, живущая здесь, в Свистовке.

На могиле Лазера стоит темно-коричневый крест, на котором белая надпись — имя, годы жизни, а также монограмма «I. N. R. I.» — «инициалы» Христа. Крест Лазера чуть больше, чем большинство других на кладбище. Он стоит на деревянном цоколе, глубоко вбитом в песчаную почву. На одной из перекладин креста висит венок из искусственных цветов. Перед крестом тоже лежит похожее украшение. До сих пор за могилой Лазера ухаживал его сын, Александр, потому что он в это время довольно долго жил в Свистовке, чтобы отдохнуть от своей матросской работы. Теперь Александр снова устроился в рейс на Средиземное море, и поэтому можно предполагать, что могила Лазера вскоре будет выглядеть заброшенной.

На могиле Сергея, отца Василия, стоит светло-коричневый крест, а на нем белой краской написаны имя и годы жизни. Прямо рядом с могилой Сергея находятся могилы двух его дальних родственников. Могила Сергея лишь едва поросла травой. Кроме его сына Василия, в Свистовке у него есть и другая родня, которая время от времени приходит сюда и убирает могилу. Сверху лежит проволока, бывшая в основе искусственного венка, от которой отлетели уже почти все искусственные цветы, и сейчас они распределены по могиле Сергея и его родственников. Неубранный сломанный венок — свидетельство того, что к моему приходу здесь уже довольно долго никого не было.

21 См. предыдущее примечание. — Прим. перев.

БУДУЩЕЕ СВИСТОВКИ

Не только на кладбище Свистовки, но и во всей деревне видны признаки запустения. На глухих улицах этого местечка стоят многочисленные заброшенные глиняные мазанки, которые вскоре становятся прибежищами для диких лошадей или коров. На полях рядом с покинутыми домами все еще можно найти старые игрушки, которые являются свидетелями тех времен, когда (несколько десятков лет назад) в Свистовке жило множество детей. Сейчас эти игрушки — главным образом старомодные куклы или фигурки из давно пребывающих в забвении фильмов — лежат в сырой траве, где они все больше разлагаются и все глубже и глубже уходят в ту песчаную почву, куда все ниже погружаются и остатки заброшенных глинобитных избушек.

На одном дугу к югу от Свистовки, между старыми деревьями и наполовину развалившейся банькой, можно еще явственно различить бетонный фундамент маленькой гостиницы, которая никогда не была построена. Это грустное свидетельство того, что пара человек некоторое время назад хотели развить туризм в Свистовку и вдохнуть новую жизнь в это местечко, но им это не удалось.

Не только свистовские дома, но и язык, и религия жителей на пути к исчезновению. Почти все молодые люди разъехались по городам, часто больше не говорят по-русски и не ходят на старообрядческие богослужения. Для детей многих свистовских переселенцев тяжело или даже невозможно представить себя липованином по языку и религии, так что липованская культура обрывается на их поколении. Да и в Свистовке все меньше деревенских жителей регулярно посещает службу. Несколько старух придерживаются еще строгого религиозного порядка старообрядцев и часто ходят в храм по нескольку раз в день, но большая часть жителей ограничивается службами на большие религиозные праздники, которые проходят лишь пару раз в год.

Таким образом, появляется вопрос: как будут развиваться в будущем сама Свистовка и культура, язык и религия местных липован? Возможный вариант — развитие Свистовки как исключительного места паломничества липован и, возможно, других верующих, поскольку уже сейчас в официальных церковных книгах она фигурирует как монастырь. В селе есть большая внушительная церковь, в которой можно посмотреть на многочисленные древние и очень ценные иконы. Вдобавок открытый ландшафт и красота дельты Дуная придают деревне своеобразную привлекательность и почти священное спокойствие и задумчивость.

Возможно, Свистовка будет не только интересным местом для паломников, но и оригинальной точкой встречи для художников, писателей и других представителей «творческой интеллигенции». На них тишина и покинутость этого места может действовать очень вдохновляюще, так что она, вероятно, придаст им импульс для интересных дискуссий и создаст видение их будущих проектов. Существуют различные возможности для развития Свистовки, но мы пока еще не знаем, какую форму обретет в дальнейшем эта деревушка на востоке дунайской дельты.

ОБЗОР ИСТОРИИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА

В XVII веке при царе Алексее Михайловиче Россия пережила хозяйственный и культурный подъем, в рамках которого царь попытался реформировать традиционные ценности России. Одной из важнейших была претензия царя на то, чтобы быть последователем византийских императоров и единственным владыкой на земле, исповедующим правильную веру. Кроме того, надо было унифицировать церковные ритуалы и улучшить уровень образования духовенства. Для стандартизации церковных обрядов царь опубликовал Реформу и выбрал руководителем для проведения ее в жизнь патриарха Никона. В ходе Реформы правилось священные тексты, а традиции богослужения изменялись во многих областях, хотя догматы Русской православной церкви оставались неприкосновенными.

В исправлении богослужебных книг многие верующие видели большой грех, поскольку они считали, что ритуалы, перенятые от греков при крещении Руси в 988 году, являются священными и поэтому не могут быть изменены. Оттого появление в 1653 году исправленных книг вызвало в широких массах русского народа бурю волнений. Царю посылали многочисленные прошения, в которых просили его произвести обратную реформу, чтобы спасти себя и русский народ от гибели. Противники Реформы видели в патриархе Никоне своего главного оппонента и делали его ответственным за несчастье, которое из-за Реформы обрушилось на русский народ.

Протесты против Реформы Никона вспыхнули в Москве и оттуда распространились в русскую провинцию. Сперва противники Реформы надеялись суметь победить в борьбе против патриарха, но в последующие десятилетия стало понятно, что большая часть русского народа подчинилась указаниям Никона, и русское православие навсегда ушло с пути своей традиции. Впоследствии противники Реформы собрались в группу так называемых старообрядцев и решили противопоставить себя учению реформированной русской государственной церкви. Старообрядцы почитали старину и традиционный уклад и пытались подчинить ему свою общественную и семейную жизнь. Кроме того, старообрядцы отвергали любой прогресс, были враждебно настроены против всего нового и иностранного и верили в святость и непогрешимость старого церемониала дореформенных времен.

Важнейшим символом старообрядцев стало двуперстие (жест, которым осеняют себя крестным знаменем). В этом жесте указательный и средний палец отогнуты и прилегают друг к другу, при этом средний палец слегка согнут так, что кончики пальцев оказываются на одном уровне. Двуперстием выражается человеческая и божественная природа Христа: слегка согнутый средний палец олицетворяет небесный свод как место, из которого происходит божественная природа Иисуса Христа, а указательный палец символизирует человеческую природу Христа. Кончики указательного и среднего пальцев лежат на одной линии, что выражает присутствие во Христе человеческого и божественного в равной степени. Остальные три пальца согнуты к ладони и символизируют Троицтво Божие. В противоположность двуперстию старообрядцев для сторонников Никона действует троесперстие, при котором кончики большого, указательного и среднего пальца совмещаются так, как будто человек собирается взять щепотку соли. На взгляд старообрядца, третий палец в троесперстии находится, чтобы обозначить третью природу Христа, которой не может быть. На этой почве старообрядцы отвергают троесперстие как греховный жест.

Центром старообрядчества в 17 веке стал Соловецкий монастырь. В 1676 году он был захвачен государственной армией, что послужило началом большой волны преследований по всей России. Тем людям, которые не были согласны с Реформой патриарха Никона, угрожали пытки и казни. Многочисленные старообрядцы избегали публичной казни путем самосожжения. Самая жестокая волна преследований староверов проходила при патриархе Иоакиме и продолжалась до самой его смерти в 1690 году. Преемник Иоакима, патриарх Адриан (1690-1700), ввел вместо смертной казни для старообрядцев арест с заточением в монастырь и смягчил их преследования. Тем не менее, староверов с большей или меньшей силой (в зависимости от эпохи) преследовали и в Российской Империи, пока Николай II не провозгласил свободу вероисповедания — то есть до 1905 года.

Те старообрядцы, которые больше не чувствовали себя в безопасности внутри русских границ, бежали прежде всего в Австрийскую Империю или в Османскую Империю. В 1848 году в австрийской Белой Кринице (недалеко от российской границы) был рукоположен первый митрополит старообрядцев, и там образовалась его первая резиденция.

При митрополите Амвросии район Белой Криницы стал важнейшим центром старо-обрядчества в Австрии. В 1940 году, после того, как эти земли были захвачены Красной Армией, резиденцию старообрядцев пришлось перенести в крупный румынский город Брэилу.

Недалеко от Брэилы, в дельте Дуная, находился главный регион расселения старо-обрядцев в Османской Империи. Там в конце XVIII века возник городок Вилково, кото-рый в настоящее время находится в украинской части дунайской дельты. В последующие десятилетия многочисленные старообрядцы переселились в центральные и южные регио-ны дельты и основали там такие деревни, как Периправа, Свистовка, Юриловка и Сари-кей. В дунайской дельте и других южных регионах Восточной Европы старообрядцев прозвали липованами. Возможно, что этот этноним происходит от слова «липа» и указы-вает на то, что старообрядцы во время своего бегства из России часто скрывались в ли-повых лесах от своих преследователей.

В XIX и первой половине XX в. липованские деревни пережили свой золотой век. В изоляции дунайской дельты липоване свободно могли исповедовать свою религию и сохранять свой язык, культуру и традиции. Их выживание было гарантировано, поскольку они в достатке снабжали себя рыбой из Дуная и озер его дельты. После Второй миро-вой войны в дельте Дуная появились многочисленные рыбные колхозы, и часть дельты превратилась в полевые угодья. Липоване были вынуждены частично отказаться от свое-го традиционного образа жизни и приспособиться к социалистической модели общества в новой Румынской народной республике. В поисках работы многие пересезжали из липованских деревень дельты в близлежащие города. Практиковавшаяся до Второй мировой войны изоляция не могла больше сохраниться, и между липованами и представителями других конфессий стали заключаться многочисленные браки. Переворот 1989 года при-вел к дальнейшим волнам миграции, поскольку закрылась большая часть местных рыбных колхозов и фабрик по производству рыбных консервов, где были заняты многие липоване. В дальнейшем, после открытия румынской границы, местные старообрядцы получили возможность переехать в государства Западной Европы и найти там лучше оплачиваемую работу. В настоящее время большая часть жителей липованских деревень — это очень старые люди, которые живут на пенсии в своих родных местах и кормятся главным

образом со своего крестьянского хозяйства. Процент детей и молодежи все уменьшается, и следует ожидать, что из-за отсутствия работы в скором времени уедет вся оставшаяся молодежь. Итак, непонятно, сохранятся ли липованские деревни дельты Дуная в ближайшие десятилетия, и как же будут эти деревни выглядеть в будущем.

Голоса ушедших остались живы:

http://www.breiling.org/timemaps/livingvoices/01_fjodor.mp3
http://www.breiling.org/timemaps/livingvoices/04_nikifor.mp3
http://www.breiling.org/timemaps/livingvoices/07_karp.mp3
http://www.breiling.org/timemaps/livingvoices/06_kulina.mp3
http://www.breiling.org/timemaps/livingvoices/08_maura.mp3
http://www.breiling.org/timemaps/livingvoices/09_toma.mp3
http://www.breiling.org/timemaps/livingvoices/10_zena.mp3
http://www.breiling.org/timemaps/livingvoices/11_maria.mp3
http://www.breiling.org/timemaps/livingvoices/19_evdokia.mp3
http://www.breiling.org/timemaps/livingvoices/20_erimej.mp3
http://www.breiling.org/timemaps/livingvoices/24_marco.mp3
http://www.breiling.org/timemaps/livingvoices/26_anna.mp3
http://www.breiling.org/timemaps/livingvoices/39_nadja.mp3
http://www.breiling.org/timemaps/livingvoices/41_lazer.mp3

Поминки в Свистовке

Эпос и элегия

Данная книга рассказывает о Свистовке – липованском селе на востоке Дунайской дельты. Липоване – это русские старообрядцы, которые бежали из Российской Империи в изолированные регионы дельты в конце XVIII в., чтобы получить возможность исповедовать свою веру, освободившись от религиозных гонений. Автор описывает поминки на приходском дворе местной церкви, в ходе которых жители этой деревни рассказывают о судьбах четырнадцати умерших односельчан. Отдельные жизнеописания повествуют о деревенском укладе как на протяжении Второй мировой войны, так и в социалистические времена. Из обрамляющего поминки действия читатель сможет составить представление о нынешней сельской жизни липован.

Автор

Камилло Брайлинг (1988 г. р.) — докторант Института истории Восточной Европы Венского университета, лауреат стипендии Австрийской академии наук. Он занимается изучением образа жизни, языка, религии, истории, культуры и идентичности липован в дельте Дуная.

Художник

Роберт Печинка (1956 г. р.) — вольный художник из Обермаллебарна в федеральной земле Нижняя Австрия. Своими творческими идеями и их воплощением он делится на курсах, выставках, семинарах, в мастерских, на встречах в ателье и мастерклассах, посвященных искусству. Его новым интересом является знакомство с художниками дельты Дуная. Он возглавляет галерею GrenzArt в Холлабрунне.

В 2011 году они оба, как отличающиеся особыми познаниями о дельте Дуная, выступили в роли соучредителей Свистовской Ассоциации Искусства (Sfiștofca Art Association) в Румынии. Иллюстрации в этой книге в первые были выставлены в рам-ках вернисажа 11 февраля 2016 года в Свистовке, и сегодня их можно увидеть в новом Павильоне искусств в Сулине.